

М Р9
А-34-39

Абзркханов & ГО
Восстание курс.
€ 1916 г.

ОТ АВТОРА.

тоящая брошюра состоит из переработанной программы доклада, читанного мной на торжном заседании Киргизского Правительства изенского Горсовета с участием партийных, юзных и комсомольских организаций города с 11-го августа с. г., посвященном 15-летию ния киргиз в 1916 году и статьи „Предвестник Октября“, опубликованной в газетах „Совет-Киргизия“ и „Кызыл-Киргизстан“.

статья „Предвестник Октября“ в части оценки тера восстания 1916 года переработана, ввиду ясных мною ошибочных формулировок в первоначальном ее тексте.

история революционного движения в Средней Азии, в частности история восстания 1916 года — большая, сложная, требующая специального исследования, чего автор не имел возможности сделать, занятого практической работой.

достоинствах брошюры судить не мне, но если брошюра окажет помощь историку восстания 1916 года, поможет молодому поколению киргизов трудящихся масс хоть в какой нибудь степени понять „... старое кровавое грязное прошлое“ (и), когда царская Россия беспощадно экспло-

II.

атировала киргизских трудящихся в купе с
ными эксплоататорскими классами, то я бы
тать, что не напрасно опубликовал этот тру

В недалеком будущем я расчитываю
вернуться к этой теме и дать более конкретный
труд. Поэтому буду очень благодарен всем
щам, которые найдут возможным помочь
фактическим материалом, так и деловой
этой брошюры.

Ю. Абдрахман

Г. Фрунае.
1931 г. Октябрь.

Р. Б. Печатанием эта брошюра задержалась
нее чем на год. В связи с этим цифровые материа-
характеризующие хозяйственный и социаль-
турный рост Советской Киргизии не сколько
рели т. к. за этот период Киргизия сделала один
шаг вперед во всех областях строительства
менее цифровые материалы оставляю без
ния исходя из того, что они правильно характеризуют
состояние Киргизии к определенной
ческой дате.

Ю. Абдрахман

- 7 -

Товарищи, когда мы говорим о восстании трудящихся масс Средней Азии и Киргизии в 1916 г., многим это представляется, как бунт, случившийся на конкретной почве недовольства набором туземных трудящихся масс на тыловые работы. В действительности это не так. Восстание 1916 г. имеет глубокие социально-экономические причины, искающие из положения Средней Азии и Киргизии, как колоний царско-империалистической России.

Поэтому в мою задачу входит не только выяснение характера восстания, его движущих сил, его результатов, но и выяснение тех социально-экономических факторов, которые исторически подготовили это восстание, являющееся самым крупным революционным событием из всех революционных событий, имевших место в жизни и истории народа в Средней Азии до 1916 года в период их колониальной зависимости.

Восстание киргизских трудящихся масс в 1916 г. нельзя рассматривать вне связи с восстанием других народов Средней Азии, но я вынужден отказался от рассмотрения положения остальных народов Средней Азии, чтобы более полно обрисовать положение киргизского населения как до, так и после колонизации, в период господства царизма, также ход и исход восстания.

Несколько слов об общественно-экономическом укладе киргиз в до-колониизационный период.

Касаясь вопроса экономики хозяйства киргизского населения в до колониизационный период, приходится ограничиться общими предположениями, так как ни каких материалов, характеризующих экономическое положение киргизского населения до завоевания края царской Россией, в моем распоряжении нет. Известно, однако, что основной и, пожалуй, единственной отраслью хозяйства киргизского населения было животноводство. Огромные территории, значительная часть которых была отчуждена от пользования киргизского населения после колонизации, до колонизации служили естественной кормовой базой животноводства. Животноводческое хозяйство велось, однако, самым примитивным способом. Нечего было и думать, чтобы в этот период киргизское население занялось интенсификацией животноводческого хозяйства. Феодальный характер хозяйства и наличие огромной земельной территории, обеспечивавшее возможность маневрировать естественными кормовыми ресурсами, исключало необходимость борьбы за интенсивное животноводство с созданием устойчивой кормовой базы.

По тем же причинам, то есть за отсутствием учетно-статистических материалов, нельзя привести никаких данных о поголовье скота, следовательно о материальном уровне киргизского населения, особенно в социальном разрезе. Однако, живые свидетели той эпохи говорят о том, что в количе-

ном отношении поголовье стада до колонизации превышало почти в два раза, если не больше то, что мы имели после колонизации, в годы когда территорией нынешней Советской Киргизии распоряжалось царское правительство.

Однако огромная масса скота была сосредоточена в руках сравнительно незначительной группы баев и манапов и давала им возможность держать абсолютное большинство киргизского населения в своем подчинении. Этому в значительной степени способствовали и сохранившиеся пережитки родовых отношений среди киргизского населения. Будучи в плену пережитков родовых отношений, зависимые в материальном отношении от своих сородичей—баев и манапов, трудящиеся массы киргизского населения по существу были рабами своих родовых вождей, бесзастенчиво ими эксплуатируемых.

Власть многочисленных и экономически мощных родов, вернее власть манапов этих родов, была настолько сильна, что они могли по своему усмотрению распорядиться жизнью и имуществом трудащихся масс как своего рода, так и других родов подвластных им.

Чтобы проиллюстрировать о силе власти манапов, приведу только четыре факта:

1. „Знаменитый“ манап Орман-хан во время одной кочевки потерял „коген“ (петлистая веревка для привязи овец). Когда один из его же сородичей нашел этот „коген“ и привез Орману, то последний предъявил ему обвинение в воровстве и оштрафовал его так, что нашедший „когена“ должен был заплатить и заплатил штраф—двух девочек (вместо двух

колов, вбиваемых в землю, чтобы привязать концы когена") и по барабану на каждую петлю, то есть около 300 барабанов.

2. Сын Ормана — Уметалы однажды, сидя недалеко от своей юрты, взял ружье и выстрелил в группу женщин, сидящих около его юрты, приговаривая: "пусть погибнет грешная" и убил свою любимую жену. Конечно, за это убийство он ни перед кем не ответил. Тот же Уметалы, говорят, чтобы проверить остроту своей сабли, рубил людей и заставил одного киргиза убить своего сына только потому, что этот киргиз имел несчастье дать своему сыну имя Уметалы.

3. Известный Шабдан Джантаев отобрал земли, расположенные около Рыбачего, у тур-айгыров, мотивируя это тем, что в этой местности должны окотиться его сыновья на фазанов.

4. Некто Боронбай, манап из рода Бугу, при разделе земли Иссык-Кульской котловины, настоял на выселении киргиз рода "саяк" на каменистые земли, мало пригодные для земледелия, приговаривая — "к саякам и сорокам не может быть жалости".*)

*) Из пословицы „к Саякам и сорокам не может быть жалости" нельзя сделать заключения, что род Саяк был угнетенiem и безправием родом и из их среды не было баев и манапов.

Эта пословица являлась только следствием враждебных отношений к роду Саяк со стороны других родов Бугу, Сарыбагыш и т. д. На самом деле были баи и манапы и из рода Саяк, не менее могущественные чем Орханы, Шабдан и другие.

Я мог бы удлинить перечень таких фактов, но приведенных, по моему, достаточно, чтобы иметь представление о силе манапов и бесправии трудящихся масс и слабых родов.

Вам известны такие факты, как борьба Ормана и Байтыка за подчинение своему влиянию новых "родов", новых территорий. И это им удавалось. Например, Орман, который создал вооруженные войска для завоевания новых территорий, подчинил своему влиянию население родов, независимых от него — саяков, чириков и т. д., а Боронбай и Чиныбай — манапы Каракольского уезда, тоже имели своими "подчиненными" часть саяков, чойбагыш и т. д.

В государственном отношении до завоевания края царизмом киргизы были подчинены Кокандскому хану, но это подчинение было лишь номинальное, выражавшееся в том, что киргизские манапы, безраздельно грабившие массы киргизского населения, ежегодно должны были платить дань Кокандскому хану. Эта дань в основном шла, конечно, за счет трудящихся масс. Системы „баранта“ „чыгым“, существовавшие в то время, своей тяжестью также ложились на плечи трудящихся масс.

Азиатский despотический феодализм, не успев еще окончательно разрушить родовые отношения, все-таки завоевал себе прочное место в общественной жизни киргиз в период, когда русские феодалы (помещики) и капиталисты пришли им на помощь в деле грабежа трудящихся масс.

Наличие пережитков родовых отношений, базирующихся на натуральной и полунатуральной форме экономики киргизского хозяйства, дает основу

вания некоторым лицам думать, что в до-колонициональный период среди киргиз происходила только родовая борьба и, что классовой борьбы в киргизском ауле как будто не было. Эта точка зрения не выдерживает никакой критики. Эти люди, во-первых, забывают положение коммунистического манифеста „История всего предшествующего общества есть история борьбы классов“, во-вторых, они очевидно не знают, что родовой строй у киргиз был до такой степени разложен, что родовая борьба уступила свое место борьбе между феодалами в лице Ормана, Байтыка, Боромбая и др. Наконец эти люди, видимо, не дали себе труда изучить историю происхождения в киргизской среде сословия „бу-кары“. Между тем, букаринцы обязаны своим происхождением именно классовой борьбе, имевшей место среди киргиз.

Из кого же состоят букаринцы? Из тех трудящихся масс, которые вынуждены были уйти из среды своих родов к другим, главным образом, потому, что гнет и эксплоатация „своих“ родоначальников заставляла их отказываться и от родовой части, а манапы тех родов, к которым они присоединялись, чтобы отличить господствующее положение манапов своего рода над пришельцами, последних называли „бу-кара“ (этот чернь). Арабы букарой называют, кажется, плательщиков податей-дань т. е. по существу трудящихся масс подвластных арабским феодалам. Появление на арене общественной жизни сословия „букары“ можно об'яснить разложением родовой общины и

полуфеодальным характером строя общественной жизни киргиз.

Этот полуфеодальный строй, в связи с колониацией края царизмом, законсервировался, не пошел дальше в смысле образования чисто феодальных отношений. Об'ясняется это, конечно, политикой царского правительства, которое видело в межродовой драке очень важное средство, раз'единяющее киргизское население на группы, не дающее им возможности создать единый фронт против колонизаторской политики царизма.

О культуре говорить нечего. Не было ни школ, ни книг, ни газет. Грамотными считались безграмотные муллы, которые только отправляли население опиумом, называемым религией, и конечно в их расчет не входила работа по просвещению народных масс, им это было не выгодно.

Если Киргизия до колонизации в целом была богаче, то из этого вовсе не вытекает, что трудящимся массам жилось тогда хорошо. Разница в положении киргизских трудящихся масс до колонизации и после состоит лишь в том, что, если до колонизации они были эксплуатируемы феодалами-манапами, то после колонизации они стали об'ектами эксплоатации не только манапа-феодала, но и царского администратора, кулака колонизатора, капиталиста-ростовщика. Это, разумеется, значительно ухудшило их положение.

Переходим к характеристике колониционной деятельности царизма и ее результатов.

Киргизия, как район аграрной колонизации. Влияние колонизации на общественную, хозяйственную и культурную жизнь киргиз

После того, как русским помещикам и буржуазии удалось „силою русского оружия“ разгромить Кокандское ханство, захватить наиболее важнейшие экономические и стратегические центры бывшего Туркестанского края и образовать Туркестанское генерал-губернаторство, они поставили перед собой задачу практического осуществления одной из целей завоевания края—захват киргизских земель для образования русских переселенческих поселков. Вам не должно казаться странным то обстоятельство, что я говорю о захвате именно земель киргизского населения, как будто царизм не захватывал земли других народов Средней Азии. Конечно, захватывал и земли других народов Средней Азии, но значительно позже. Первые же русские поселки были образованы на землях, отнятых у киргиз и таким образом аграрная колонизация бывшего Туркестанского края началась с колонизации киргизских территорий.

В 1874 году по приказу 1-го Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана было образовано первое русское селение Кара-Балта, нынешний центр Калининского района, а в последующие три года, то есть до 1877 года, возникли еще три поселка опять таки на киргизских землях—Чалловар, Дмитриевское (Таласс) и Михайловка, а через пять лет были образованы в Талассе четыре немецких поселла: Николайполе, Романовка, Андреевка и Владимиоргка.

Как видите, я не без основания говорю, что аграрная колонизация Туркестана началась с захвата царизмом киргизских земель. Но это относится к северным районам Киргизии. Может быть Юг Киргизии миновала „часть“ быть первоприемником русских переселенцев? Ничего подобного. Киргизы южных районов тоже были первоприемниками переселенцев в Ферганской области. Первый русский поселок был образован в бывшей Ферганской области в 1893 году в урочище Курбаш—это поселок Покровский. И дальнейшая колонизация Ферганы шла, главным образом, за счет захвата киргизских земель. Наибольшее скопление переселенцев в Фергане было в Кугартской долине Джаяль-Абадского района.

Однако, как ни был силен захват киргизских земель в Фергане и Талассе, он (захват) представлял из себя мизерную величину по сравнению с тем, что мы имели в этом отношении по Семиречью, то есть по северным районам Киргизии. Колонизация Семиречья шла так интенсивно, что по количеству заселенных крестьян между нею и остальными областями Туркестана можно было ставить знак равенства, то есть заселенных в Семиречье крестьян было почти столько же, сколько их было во всех остальных областях Туркестана

Такой значительный наплыв переселенцев в районы, заселенные киргизами и казаками, обясняется скотоводческим укладом хозяйства последних и связанным с этим кочевым образом жизни.

Первое время устройство переселенцев проводилось органами административной власти без над-

лежащего учета земельной площади, находившейся в фактическом пользовании коренного населения. Где и сколько земельной площади—определялось на глаз. Поэтому-то, у царских администраторов создалось впечатление, что кочевые народы располагают огромными земельными площадями и они начали работать в направлении изъятия „излишков“. Зрение—очень хорошее средство, но его далёко недостаточно, когда дело имеешь с такой проблемой, как определение количества земельных площадей. Здесь требуется не слепая вера „на глаз“, а точный статистический и экономический расчет. Но царские администраторы пренебрегали этой „мелочью“. Если вот здесь сегодня имелась „свободная“ земля, то это им казалось достаточным для того, чтобы образовать переселенческий поселок. Они и знать не хотели, что этот „свободный“ участок вовсе не свободен, а является пастибищем скотоводческого населения, и что кочевник-киргиз, который „сегодня“ откочевал отсюда со своим стадом в поисках лучшего подножного корма, завтра вернется сюда, чтобы здесь снова пасти свой скот.

В дальнейшем, по мере роста переселенческого движения в Туркестан, были образованы специальные переселенческие управления, в задачу которых входило земельное устройство переселенцев, определение колонизационных возможностей Туркестана и в этих целях „детальное исследование землепользования тех групп туземцев, у которых можно было предположить пригодные для колонизации земельные излишки, то-есть главным образом киргиз“. Исследовательская работа переселенческих управле-

ний, давшая массу ценных материалов, однако, также не отличалась, в части выявления излишков земли беспристрастностью. В своем усердии выявить земельные излишки у киргиз, чиновники переселенческих управлений не стеснялись тем, чтобы признать негодные для ведения сельского хозяйства земли годными, с целью последующего выселения на них коренного населения. Один из таких чиновников, в своем усердии выявить колонизационный фонд, дошел до того, что запроектировал такой фонд в пределах Китая.

Когда изучаешь труды инженеров, землемеров, статистиков, юристов, экономистов и т. п. „ученых“ деятелей царизма, занимавшихся изучением и исследованием земель, находившихся в пользовании коренного населения, то поневоле думаешь о том как был прав Маркс, когда он говорил, что „человека науки, она (буржуазия) превратила в своих наемных работников“. Только их положение, как наемных рабов царско-империалистических кругов старой России, могло довести их до того, что в своих исследовательских работах они занялись подведением „обективной научной базы“ под захватническую политику царизма, не считаясь с действительным положением вещей, искажая факты. Если некоторые из них, например Шкапский,¹⁾ и ставили вопрос о необходимости учета интересов коренного населения и необходимости их устройства, то только потому что, они были сторонниками „организованной колонизации“, считали, что самовольные зах-

1) Эсерещущий чиновник царизма.

вавты переселенцами киргизских земель, вызывая „недоразумения“ между переселенцами и киргизами и т. д., осложняют задачу укрепления русского влияния в Туркестане.

Когда читаешь материалы периода царизма, авторами которых являются люди, некогда претендовавшие на звание т. н. „общественных деятелей“, то во всех этих трудах можно найти заботу о том, как Туркестан заселить русскими переселенцами, сделать его богатейшим рынком сырья и сбыта, как провести орошение, чтобы увеличить колонизационный фонд и т. д. и т. п. но, нигде почти ни одного слова нет о том, как организовать хозяйственную и культурную жизнь коренных народов Туркестана.

Чтобы не быть голословным в этом своем утверждении, приведу несколько выдержек из опубликованных трудов дореволюционного времени, авторами которых являются люди, которые хотя и занимали различные положения в „старом обществе“

о которые сходятся в одном—в забвении существования в Туркестане почти 10-ти миллионного коренного населения.

Князь В. Масальский, автор капитального и довольно интересного труда „Туркестанский край“, пишет: „Необходимо работать не покладая рук, без колебаний и сомнений, с верой в успех и памятую, что венцом наших усилий будет не только присоединение к культуре **миллионов десятин новых земель** и обеспечение русской промышленности необходимым ей хлопком, с полным освобождением от иностранной зависимости, но и создание огромной отрасли сельско-хозяйственной промышленности,

колossalные приращения народного богатства и **колонизация русскими людьми Туркестана**.“ (В. И. Масальский „Туркест. край“, стр. VII).—Ясно и четко. Нужно присоединить к культуре **миллионы десятин новых земель**, обеспечить капиталистическую промышленность России хлопком, освободить ее „от иностранной зависимости“, заселить Туркестан **русскими людьми**. А что делать с теми миллионами людей, которые живут, трудятся, создают эти богатства?

Еще что пишет другой эпигон царизма, член Государственной Думы А. Л. Трегубов: „Грех перед богом и совестно перед людьми, что, имея, такую массу хорошей плодородной земли в таком благодатном крае, как Семиречье, русские крестьяне, для которых вопрос переселения давно уже стал одним из самых острых, никак не могут попасть сюда. Задача заселения нашего севера кажется смешными. Когда жемчужина наших владений, на которую можно сказать, пробуждающийся Китай, смотрит с нескрываемым вожделением, остается забыть. Необходимо серьезно взглянуть на Семиречье и позаботиться о скорейшем его заселении—этого требуют законы логики (империалистического захвата Ю А) законы государства, общества“. (Цитирую по Васильеву—„Семиреч. область как колония“, стр. III).

Это он писал в 1909 году, „безбожно“ преувеличивая опасность, угрожающую Семиречью со стороны Китая и уменьшая успехи колонизации Семиречья, так как к этому времени Семиречье было достаточно обустроено.

765820

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Книг. ССР им. Н. Г. ЧЕЧЕЛЕНСКОГО

Не меньший интерес представляет определение роли Семиречья профессором Васильевым, небезизвестным автором проекта орошения Чуйской долины в интересах увеличения колонизационного фонда. «Настоящее и будущее экономическое и государство пос значение области,— пишет Васильев— складывается под влиянием интересов и запросов прилегающих областей и государств, требований метрополии, каковой является для области Европейская Россия, и собственных производительных сил.

Для Европейской России Семиреченская область является колонией, где она может найти рынок для продуктов своей промышленности.

Однако, первенствующее значение до последнего времени область имела как район для переселения избыточного населения из Европейской России. Нет сомнения, что значение области в этом отношении сохранится еще весьма долгое время, так как она, наряду с коренным Туркестаном, владеет громадным колонизационным земельным фондом*. Здесь вы найдете интересы прилегающих областей и государств, требование метрополии, создание колонизационного фонда и ни слова о том, что же сделать с коренными жителями Семиречья— киргизами, казаками.

Всем этим людям вторит и «революционер» Шкапский, который, правда, ставит вопрос несколько иначе, чем первые. Если первые забывали совершенно о существовании коренных жителей Туркестана и Семиречья, то Шкапский «не забывает», а считает необходимым «правильное земельное устройство киргиз в интересах переселенческого дела».

Как видите, князь Масальский, член Государственной Думы Трегубов, проф. Васильев и «революционер» Шкапский обединились для проведения в жизнь задачи, поставленной перед ними и перед всей царской Россией генералом Колпаковским— обрушение Края и особенно Семиреченской области. Нужно сказать, что эти люди не только говорили и писали, но и делали дело. И им удалось очень многое сделать в смысле захвата земель киргизского населения.

Разрешите в подтверждение этого привести цифры, опубликованные тов. Рыскуловым: «К 1916 году в распоряжении русских поселков и станиц, количеством до 941 селений, в Туркестане числилось 1900 тыс. десятин (57,6% обрабатываемой земли), то есть на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятины обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (узбека, киргиза, таджики и туркмена) приходилось только 0,21 десятину. Таким образом, при остром безземельи вообще, 91% коренного населения владели только 42,4% всей обрабатываемой площади, а остальная приходилась на долю русских переселенцев».

Так было в Туркестане. Если обратимся к данным о распределении земли между киргизами и переселенцами—крестьянами в до-революционной Киргизии, то увидим не менее разительную картину.

Вот данные по бывшему Пржевальскому уезду относительно землепользования русского населения по годам: в 1900 году 11% русского населения Пржевальского уезда сосредотачивало в своих руках 23,8% всей пахотной земли уезда, а в 1916 г.

-- 24,1% русского населения уезда уже сосредотачивало в своих руках 67,3% всей пахотной земли и в 1920 году до земреформы 34,1% русского населения имело 84,7% пахотно-пригодной земельной площади уезда.

Такую же картину мы имеем и по Пищекскому уезду, где в 1916 году 38,1% русское переселенческое население сосредотачивало в своих руках 57,3% всей пахотнопригодной земли бывшего Пищекского уезда без казацкой части.

Как видите, русское переселенческое население, составляющее меньшинство на территории нынешней Советской Киргизии, в те времена, благодаря колониционной политики царизма, сосредотачивало в своих руках огромную территорию пахотной земли.

Я оглашал количественное распределение земли, а с точки зрения качества нам известно, что лучшая часть земель, обеспеченная водой, была в руках русского переселенческого населения. В отношении водопользования киргизское население было поставлено царской администрацией в такие условия, что, если киргизским дехканам и русским переселенцам приходилось пользоваться из одного арыка, то киргизам приходилось пользоваться только по воскресным дням, так как в остальные дни пользовались русские переселенцы.

Так обстояло дело с захватом у киргиз пахото-способной земли и лишением их прав на водополь-зование. Как же обстояло дело с постбищами?

В 1916 году было выделено на территории всей Киргизии в лесные дачи 2419890 га. Из этой площади фактически было покрыто лесом 1177536 га, а

714 тыс. га земельной площади, расположенные преимущественно в горных массивах, в районах которые были зимним и летним постбищем для скотоводческого населения, по существу не были покрыты лесом, но они принадлежали лесному ведомству и киргизское скотоводческое население пользовалось ими на арендных гачалах.²¹

Кроме этого, царским правительством были изъяты у киргиз крупные пастваща для образования казачьих скотоводческих участков и эти земли сдавались в аренду русским переселенцам, желающим заниматься скотоводством и последние по истечении определенного срока могли выкупить эти участки.

К сожалению, я сейчас не располагаю цифровым материалом о количестве из'ятой земли под казенные скотоводческие участки. Но это из'ятие не могло пройти незаметным для киргиз, не могло не вызвать среди киргиз недовольства. Вот как описывает Семиреческий областной военный губернатор те порядки, которые установились по использованию этих участков и какое впечатление произвело это из'ятие на киргиз: „Особенно заметное волнение среди кочевников вызвало распоряжение об из'ятии из их пользования крупных скотоводческих участков с предоставлением русским арендаторам таких участков, по истечении известного срока и исполнения принятых на себя обязательств по разведению улучшенного скотоводства, с правом выкупа этих участков в собственность. Новые арендаторы нередко, не приспугвая даже к разведению скота, начинали эксплуатировать заарендованные ими участки *сдачею их в аренду под пастьбу скота тем же киргизам*. из

пользования конк они из'яты, взимать с них под копытные сборы, преследовать судом за потравы и проч".

Полагаю, что изложенного достаточно, чтобы вам стало ясно, до какого бесправия было доведено киргизское население в отношении землепользования и водопользования. При этом нужно заметить, что из'ятию подвергались преимущественно земли, которые были орошены и обжиты киргизским населением, разрушались зимовки.

Подобное из'ятие земель у киргиз для нужд колонизации и образования казенных участков и из'ятие пастьбищ коренным образом затрагивали жизненные интересы киргиз, ставили их в такое положение, когда у них не оставалось перспектив для хозяйственного роста, когда оставалось им либо умереть с голоду, либо идти наемными рабами к кулакам, баям.

Что у киргиз были отняты земли, жизненно им необходимые, и в их пользовании почти не оставалось пригодных угодий, признали потом, после восстания 1916 года те самые люди, которые усердно отнимали у киргизского населения земли.

В докладе царю по поводу причин восстания 1916 г. Куропаткин пишет: „Слишком широкое толкование о размере этих излишков (киргизских земель), особенно с 1904 года, повело к тому, что у киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач— единственного владения казны. Это явление было

отмечено уже при ревизии сенатора графа Палена но на него не было обращено должного внимания".

Примерно, в таком же духе пишет и Семиреченский областной военный губернатор в своем докладе по поводу причин восстания, где этот „почтенный глава" штаба колонизации пытается об'яснить причины восстания не столько результатом царской колонизационной политики, сколько результатом самовольного захвата переселенцами киргизских земель. Правда, переселенцы тоже вели себя не очень то хорошо, но об этом дальше. Пока же послушаем, что пишет военный губернатор Семиреченской области.

„Переселенческая работа начала налаживаться только в 1910-1911 г. г., когда область была признана даже открытой для легального переселения. Признано было необходимым вести землеустройство не по группам населения, а по территориям... и....., главное, не приискывать новый колонизационный фонд из готовых излишков в киргизских землях, где уже почти не оставалось пригодных угодий, а формировать этот фонд при помощи широких ирригационных работ за счет министерства земледелия.

Но сдвиг киргизского экономического благосостояния, при том в солидных размерах, был уже на лицо".

О каком сдвиге благосостояния идет речь—в сторону улучшения или ухудшения—здесь трудно понять. Если быв. губернатор думает, что благосостояние улучшилось, то он путает две вещи: смешивает экономическое благосостояние широких слоев трудящейся массы с экономическим благосостоянием незначительной группы байства и манапства. Последние, если считать поголовье стада, хотя и потеряли

Значительно за годы владычества царизма, но эту потерю они возмещали себе за счет грабежа трудящихся масс вкупе с царскими администраторами, колонизаторами, ростовническими капиталистами в виде накопления денежного капитала. Если он имеет в виду благосостояние именно этой группы — группы эксплоататоров, то близок к истине, но если он имеет в виду всех, включая сюда и трудящиеся массы, то его истина от действительности также далека как небо от земли.

Баи, манапы и многочисленные царские администраторы (волостные управлятели, старшины, бий и т. д.), повторяю, хотя и были охвачены процессом деградации животноводства и теряли количественно в поголовье стада, но они это с лихвой покрывали при помощи взяток, чигымов. Разница для этой группы состояла лишь в том, что вместо скота они имели..... деньги идущие в их карман из кошелька трудящихся, и дешевую рабочую силу в лице разорившейся киргизской бедноты и батраков.

Я, кажется, немного забежал вперед. Возвращаясь к земельному вопросу, поскольку этот вопрос является решающим для выяснения причин восстания. Не могу удержаться, чтобы не процитировать еще одно место из того же отчета военного губернатора Семиреченской области: „Причины недовольства местных кочевников остаются в точности еще не выясненными,— пишет военный губернатор,— но, несомненно, одной из главных являлась широкая колонизация Семиречья русским элементом, повлекшая за собой стеснения прежнего простора, а местами и потерю туземцами прежнего обилия земли

и воды.... В результате, землеустроительные работы переселенческой организации в первые годы ее деятельности обездолили многие киргизские хозяйства не только в смысле их стеснения, но и более решительными приемами. Были случаи из “ятия наилучше ценных земель вопреки ст. 125 степного положения при одновременном смещении киргиз на земли неудовлетворительные ... Работа наладилась в течение 1909-11 гг., но многое непоправимое было уже сделано; лучшие земельные запасы были уже разданы самовольцам, киргизы во многих местах были уже более, чем следовало стеснены и смещены, а для новой спокойной жизни и планомерной работы оставалось крайне ограниченное поле, так как вопреки прежним ожиданиям, колонизационная емкость Семиречья оказалась не велика“. (Цитирую по Погорельскому — „Экономика кочевого аула Киргизстана“, стр. 40).

Итак, из приведенных цитат мы устанавливаем признание самой царской администрации, что они в земельном вопросе не считались даже с собственными их законами и „обездолили многие киргизские хозяйства“, сделали „многое непоправимое“ что „киргизы во многих местах были уже более, чем следовало, стеснены и смещены“ с земли, что „для новой спокойной жизни“ оставалось „крайне ограниченное поле“, и что, это обездоление является одной из главных причин восстания. Напрашивается вопрос — знала ли царская администрация раньше, до восстания, об этом? Конечно, знала, но если она все-таки расчитывала на благополучный исход такого обездоления и грабежа широких масс

трудящихся, то только потому, что она не верила и не могла верить в революционную силу трудящихся масс и очень сильно верила в силу влияния баев и манапов на массы и расчитывала при помощи этих баев и манапов удержать массы в состоянии рабского повиновения воле колонизаторов, воле царизма.

Итак, к моменту восстания 1916 года с точки зрения землепользования и водопользования, киргизское население было доведено до состояния, которое не оставляло перед ними никаких перспектив хозяйственного роста. Колонизационная емкость, как это признают сами представители царской администрации, районов Киргизии, оказалась далеко не так велика, как им думалось раньше. Но „непонимание было уже сделано“, земли у киргиз были уже отняты, киргизы были лишены основной базы для развития животноводства — земли и тем самым, разумеется, обречены на полуголодное существование, на вымирание.

То обстоятельство, что колонизационная емкость районов Киргизии оказалась недостаточной, поставило перед царской администрацией и переселенческими организациями проблему орошения новых земельных участков для образования колонизационных фондов. О беззаботном отношении царской администрации к судьбе коренного населения говорит, между прочим, и то, что, видя безвыходное положение киргиз, в которое они были поставлены в отношении землепользования, царская администрация даже не подумала о том, чтобы за счет вновь орошенных земель обеспечить возмещение того ущерба, который был нанесен им в период вакхан-

алии, колонизационного захвата киргизских земель под переселенческие поселки.

Насколько киргизы в земельном отношении были стеснены, видно хотя бы из того, что в среднем на одно хозяйство приходилось десятин посева по данным на 1915 год проф. Васильева,* по двум уездам:

	Пишпек-скому	Пржевальскому
у русских	8,46	7,67
у киргиз	3,38	1,66

Может показаться, что такие незначительные посевы у киргизского населения об'ясняются скотоводческим характером их хозяйства, кочевым образом их жизни, но это совсем неверно. Процессы оседания киргизского населения и обработка ими земли начались примерно со дня колонизации территории Киргизии царским правительством. Однако этот процесс оседания не был завершен до конца. В этом в значительной степени повинны царские администраторы и их политика, так как они в порядке отчуждения от киргиз земель для целей колонизации отчуждали и орошенные, окультуриванные киргизами земельные участки, этим самым не создавая уверенности у киргиз в том, что они прочно могут быть владельцами земли.

*) (Васильев В. А., Смиреч. обл. как колония, стр. 250).

• Так обстояло дело с точки зрения распределения земель между национальными группами.

Как же повлияла колонизация Края и отчуждение лучших земель у киргизского населения на состояние животноводческого хозяйства? Чтобы ответить на этот вопрос, разрешите привести цифры, опубликованные Шкапским на 1907 год. Вот что получается по его данным по быв. Семиреченской области: на один двор приходится скота, в переводе на крупный, — у русских крестьян — 18,3 голов, у казаков — 8,8 голов и у киргиз 12,4 голов. Как видите по данным Шкапского в 1907 году, если за единицу взять двор, то в смысле количественном сосредоточенность скота в одних руках у переселенцев-крестьян стояла впереди киргиз. Отсюда вытекает, что в связи с сужением пастбищ, невозможностью создать устойчивую кормовую базу для животноводческих хозяйств киргиз, в распределении скота по национальным группам произошли изменения в пользу переселенцев-крестьян.

Правда, по другим данным уже за 1915 год, опубликованным проф. Васильевым, в распределении скота по национальным группам мы имеем несколько иную картину: на одно хозяйство, в переводе на лошадь, приходилось:

	По Нинишекскому уезду	По Пржевальскому уезду
у русских	8,98 голов	14,72 голов
у киргиз	17,10 "	15,90 "

Вам может показаться, что с 1907 года произошли такие изменения, которые опять таки поставили в сравнительно лучшее положение в отношении землепользования киргизское население, и поэтому в 1915 году они имели рост скотоводческого хозяйства. Но это не совсем верно. Здесь нужно учсть то обстоятельство, что в 1910-11 г. началась новая волна переселенцев, которые образовали значительное количество русских селений, но которые еще не успели окончательно хозяйственно укрепиться и увеличить свое поголовье скота. Каждующееся уменьшение количества скота, приходящегося на один переселенческий двор по сравнению с киргизским в 1915 году обясняется именно этим обстоятельством. Если бы мы взяли соотношение поголовья скота, приходящегося на одно хозяйство у старожильческих русских поселков и у киргиз, то картина, показанная нам Шкапским, сохранила бы свою силу и к этому времени. Это мое предположение подтверждается данными экономического исследования Румянцева за 1913 год, где по семи старожильческим русским селениям Пржевальского уезда приходится скота на одно хозяйство в переводе на крупный 17,57 голов, у киргиз — 15,70 голов.

Интереснее то, что в качественном отношении состава стада, переселенцы по сравнению с киргизами стояли опять-таки выше.

Вот данные Васильева о составе стад в процентах:

	По Пишипекскому уезду		По Пржевальскому уезду	
	У русских	У киргиз	У русских	У киргиз
Лошадей	20,1	12,2	21,9	14,5
Крупного рогатого скота . . .	40,8	8,2	29,5	70
Овец и коз	30,9	78,5	43,1	77
Свиней	8,7	—	5,5	—
Верблюдов	—	1,1	—	0,7

Эти цифры показывают, что с точки зрения качественного состава стад у русских положение было значительно лучше. Это объясняется тем, что для пастбищ крупного рогатого скота и лошадей требуются более равнинные пастбища, чего киргизы не имели, вернее, лишились в результате колонизации. Поэтому, исходя из качества оставшихся в их распоряжении пастбищных территорий, преимущественно крутых склонов гор, где можно пасти только мелкий скот, широкое развитие у них получил мелкий скот: овцы, козы.

В итоге колонизации царизма киргизы лишились лучших земельных территорий, пастбищ, которые были отняты у них для образования скотоводческих участков и как казенные лесные дачи. Результатом этого явились деградация животноводческого хозяйства и невозможность киргизскому населению осесть на землю и заняться земледелием. Разоренные киргизы бедняки и средняки стали поставщи-

ками наемных рабов-батраков как для русских переселенцев, так и для киргизских баев и манапов

Теперь обратимся к характеристике имущественного (социального) положения переселенцев и их взаимоотношений с коренным населением. Нужно среди русских переселенцев различить две группы: старожилы и новосёлы. Старожилы по своему имущественному положению стояли так высоко, что даже сами царские чиновники вынуждены были это признать

Вот что пишет Шкапский по этому вопросу: „Крестьяне давно устроенных селений, по своему экономическому положению, не могут идти в сравнение с крестьянами внутренних губерний Европейской России. Благосостояние их настолько *высоко*, что их можно считать *не просто зажиточными, а богатыми*.“ (О. А. Шкапский — „Переселенцы самовольцы и аграрн. вопр. в Семир. обл.“, стр. 59).

Это подтверждается, между прочим, и некоторыми цифровыми данными Васильева. Группировка переселенческих хозяйств по посевам по двум уездам (быв. Пржевальскому и Пишипекскому) показывают следующее:

	Число хозяйств в проц.	
	По Пишипекскому уезду	По Пржевальскому уезду
Несеющих	6,7	9,28
Засевающих	14,35	11,44
от 3 до 5 дес.	9,35	13,52
от 5 до 10 дес.	21,75	31,15
от 10 до 15 "	17,25	21,74
" 15 " 25 "	19,20	14,41
Свыше 25 дес"	11,44	4,45

Как видите из этой таблицы, почти 70% хозяйств можно свободно отнести к кулацко-зажиточным хозяйствам. Эти хозяйства земли обрабатывали не своим трудом, а трудом наемного батрака, главным образом, киргиза, который был вынужден продаевать свой труд на кабальных условиях.

Из этих данных нужно прийти к выводу, что царизм в известной степени достиг своей цели, когда он хотел создать крепкую свою опору из русских крестьян, материально в наибольшей степени обеспеченных т. е. кулаков. Но царизм этим не ограничивался. Последние годы своего существования в его политике заселения Края русскими преобладали соображения заселения новых территорий наиболее зажиточными, материально обесцененными группами крестьян, которые могли бы быть, в дополнение к старожильческим поселкам, крепостью незыблности позиций царизма.

В этом отношении мы опять таки находим интересный документ у Васильева. Вот что пишет Васильев о подборе переселенцев для орошаемых районов: „Каким бы путем не образовывались затрачиваемые государством на оросительные сооружения суммы, государство должно будет возместить их. Поэтому государство, естественно, заинтересовано в подборе для орошенных им земель наиболее подходящих колонистов, способных выдержать в первые годы тяжесть организационных расходов и усвоить новые требования интенсивной поливной культуры. Местные условия водворения на орошенных землях в Семиречье и интенсивность хозяйствования потребуют от поселенцев гораздо большей состоя-

тельности, чем обычные условия переселения на новые места“.

По моему, нет надобности комментировать это. Васильев прямо говорит, что нужно заселять орошенные за счет государства земли не излишним крестьянским населением, а теми кулацко-зажиточными хозяйствами из России, которые, переходя на новые места не потребуют от царского правительства дополнительных финансовых затрат на свое хозяйственное устройство. И действительно царизм пошел по этому пути, правда, не в Семиречье, не в районах Киргизии, а в Голодной Степи. При заселении русскими крестьянами Голодной Степи требовался определенный имущественный ценз, то есть Голодная степь была закрыта для безземельного крестьянина, гонимого нуждой из Центральной России на окраины.

Таким образом, с точки зрения социальной, царизм создал и в Туркестане и в Киргизии такой тип переселенческого крестьянского хозяйства, который мог быть свободно отнесен к категории эксплоататорского хозяйства, следовательно, хозяйства заинтересованного в сохранении царизма для своего дальнейшего хозяйственного роста, для расширения своих прав и возможностей на эксплуатацию русских и киргизских бедняков и батраков.

По сравнению со старожильческими поселками, в материальном отношении новоселы были менее мощными, но и они имели тенденцию быстрого хозяйственного роста, поскольку они получали значительный кредит на хозяйственное строительство, имели дешевую рабочую силу, в лице разоренной

киргизской бедноты и батраков, и пользовались известной поддержкой царских органов в смысле обеспечения себя лучшими земельными угодьями и водными оросительными каналами.

Как представители господствующей нации, воспитанные царизмом в духе ненависти к нациям, угнетаемым царизмом, переселенцы-крестьяне не смогли создать нормальные взаимоотношения с коренным населением. Наоборот, зачастую переселенцы-крестьяне вели себя по отношению к киргизам так нелояльно, что на этой почве, по выражению бывш. военного губернатора Семиреченской области генерала Фольбаума „частичные вспышки недружелюбных взаимоотношений между новоселами и туземцами стали хроническими“. Было бы неверно вывести „это недружелюбное отношение между новоселами и туземцами“ только из того, что они принадлежали к различной расе и т. д. Это недружелюбное отношение между ними вытекало скорее всего из их борьбы за землю, за воду, за определенные экономические позиции в Крае.

Разрешите для характеристики сложившихся в период царизма взаимоотношений между переселенцами-крестьянами и киргизами, привести еще пару выдержек. Вот что пишет агроном Семиреченского переселенческого района В. Воротников в своем отчете о Чуйских участках. „Два-три (хозяйства Ю. А.) приобрели у киргиз зимовки, уплатив им снопами клевера, в переводе на деньги не дороже 1-2 рублей за порядочные зимовки с постройками, остальные не делали и этого, а заняли их не спрашивая ничего согласия,

„Большинство приобретали скот у киргиз очень оригинальным способом. Придя на участок, переселенцы получили засеянные и орошенные киргизами клеверники, которые аккуратно поделили между собой... Новые владельцы предложили старым (киргизам) убирать клевер с половины; киргизы, так каким ничего другого не оставалось, согласились. В некоторых случаях, например, при повторных орошениях, они должны были в виде вознаграждения за них, удовлетворяться за уборку только $\frac{1}{3}$ частью.

Переселенцы, получая таким образом, собранный клевер, продают его киргизам по снопам, оценивая каждый по 3 коп (что теперь даже в Верном сноп продается не дороже $1\frac{1}{2}$ коп.) Вместо денег киргизы платят лошадьми и коровами, при этом хорошая лошадь, стоящая 50-60 рублей, оценивается в 1000 снопов, то есть самое большое 15 руб. Таким образом, переселенцы обменивают ни на что негодный для них по их целям продукт-клевер на предметы, которые постоянно могут увести куда угодно“.

„Водворясь на участке, они занялись не трудом, а наилнейшей, совершенно недопустимой эксплуатацией киргиз, не упуская ни одного подходящего случая (разрядка моя Ю. А.). Ни на одном участке не было слышно таких кляузнических жалоб, на обиды, терпимые от киргиз, как здесь. Разумеется, что потравы скотом на первом месте; между тем переселенцы очень аккуратно получают вознаграждение за эти потравы, а теперь находятся в приятном ожидании получки за самовольный посев проса на земле в участ-

ка, произведенный еще, во многих случаях, до проведения в натуре границы участка“.

„Видя громадные пространства свободных земель (свободных ли? Ю. А.) в области и сознавая возможность эксплуатации миллионного, в большинстве мирного и беззащитного киргизского населения, они только и думают, как бы выгоднее устроиться и никакое занятое ими положение не может в достаточной мере их удовлетворить.“

Это относится, как видите, к северным районам Киргизии, тоже самое мы имели и по южным районам. Вот что пишет другой чиновник Сыр-Даринского переселенческого района, некто П. Рылов: „к началу 900-х годов местная (Ферганская Ю. А.) администрация уже исчерпала запас пригодных для этого заселения переселенцев (Ю. А.) земель, поэтому переселение приняло ярко выраженный самовольный характер, особенно проявившийся в Кугартской долине Андижанского уезда (Кугартская долина сейчас входит в Джалаал-Абадский район Киргизии Ю. А.). Здесь большие, партии переселенцев снояли киргиз с их стоянок, захватывали их собственность, из материалов киргизских зимовок строили себе жилища или употребляли его на топливо. Таким в высшей степени ненормальным порядком к началу 1906 года..., в Ферганской области образовалось 10 самовольных селений, насчитывавших в общей сложности около 90 дворов“. Вот характеристика взаимоотношений между крестьянами-переселенцами и коренным населением, данная чиновниками переселенческих организаций, она говорит сама за себя—взаимоотношения были очень ненормальными.

По своей социальной природе у трудящихся переселенцев и киргиз не должно быть таких ненормальных взаимоотношений, такой ненависти, но в то время это оказалось неизбежным в результате политики царского правительства, которое все сделало для изгнания народов“. (Ленин). К 1916 году мы имели не просто переселенцев, а преимущественно переселенцев-кулаков на которых царизм вправе был расчитывать, как на свою опору в деле укрепления своего влияния в Средней Азии и Киргизии.

Переходим к выяснению порядка землепользования среди киргизского населения. Здесь нужно сделать одну оговорку—я вам говорил, что крестьяне в значительной своей части, приезжая на киргизские земли, самовольно захватывали их. Самовольный захват был в смысле юридической неоформленности, но этот захват нельзя назвать самовольным, так как киргизские бай и манапы, заинтересованные в улучшении своего материального положения не, только за счет киргизских трудящихся масс, считали своим долгом кое-что получить и у переселенцев. Поэтому не считаясь с потребностью в земле широких слоев киргизского населения они этим самовольцам продавали или сдавали на продолжительные сроки в аренду земли, принадлежащие киргизским трудящимся массам. Таким образом, в смысле заселения края русскими, в смысле лишения киргизских трудящихся масс земель, пастбищ и т. д. бай и манапы оказывали немногим большие услуги царской власти. Что касается распределения земель между самим

киргизским населением, то правилом было, что лучшие земли, лучшие паства оставшиеся в пользовании киргизского населения, были сосредоточены в руках экономически мощных, количественно многочисленных родов и в руках внутри каждого родового деления, разумеется, байских и манапских элементов.

Поэтому, если бай и манапы и пострадали от колонизации, так как для них сузилась база их эксплоататорской деятельности, в связи с обнищанием основной массы скотоводческого населения, но тем не менее, по сравнению с трудящимися массами, их положение было лучше, чем лучше, потому что деградация животноводческого хозяйства, разорение трудящихся масс обеспечивали дешевую рабочую силу не только русским переселенцам кулакам, но и киргизским феодалам—манапам. Основной производительной силой является труд человека, который создает материальную ценность. В использовании этой силы—труд батрака и бедняка в интересах своего обогащения киргизские бай и манапы проявляли максимум эксплоататорской изобретательности, не уступая по своей жестокости и динизму своим собратьям по классу—переселенцам кулакам.

Кроме того, царизм был заинтересован в создании для себя крепкой опоры и из среды эксплоататорской верхушки киргизского населения. Поэтому вся система работы по административному устройству киргизского населения была проведена под углом зрения создания из киргизско-среды значительных кадров услужливых царизму

элементов. Этому соответствовало проведенное царизмом административное устройство киргизской территории. Это устройство не было связано ни с экономической компактностью отдельного района, ни с принципом организации волости, аула вокруг определенных культурных и экономических центров а было проведено в соответствии с интересами отдельных баев и манапов и в большинстве случаев по родовому принципу,

В эпоху царизма в деле административного устройства киргиз стало правилом, когда волость образовывалась из 500-600 хозяйств, то есть это была такая карликовая волость, которая с точки зрения экономической не могла выдержать тех расходов, которые падали на население данной волости. Но с точки зрения баев и манапов, с точки зрения царской администрации, которая из числа последних создавала царизму армию услужливых элементов (волостных управителей, старшин) это было вполне целесообразно. Нужно учесть, что аппарат государственного управления царизма был настолько паразитичен, что основным в его работе было не забота об интересах широких слоев населения, а наилучшее обеспечение армии чиновников, волостных управителей, баев за счет трудящихся масс. Поэтому, взяточничество, „чыгым“ и прочие поборы являлись почти узаконенным делом.

Ретивые халуи царизма в своих трудах пишут, что колонизация края царизмом принесла успокоение краю, остановился взаимный грабеж между отдельными племенами, родами, но эти люди за-

бывают, что царская система управления обеспечивала узаконенный, организованный грабеж вместо прежнего разбойниччьего грабежа трудящихся масс. Эти же люди утверждают, что, в связи с завоеванием края царизмом, положение трудящихся масс значительно улучшилось, потому, что башни и манапы, поставленные законами царской власти в одинаковые условия с трудящимися массами, не могли свободно распоряжаться имуществом трудящихся масс. Между тем, эти люди совершенно забывают, что именно завоевание края царизмом и нечистоплотность представителей царской администрации дали новый толчек киргизским баям и манапам в деле наибольшего усиления ограбления трудящихся масс. Взяточничество стало обычным нормальным явлением. Взятки брали все, начиная от главного начальника края и кончая последним пятидесятником в ауле, Уездные начальники, пристава, податные инспекторы, судьи, следователи, лесные стражники, волостные управители и т. д. и т. п.—все они брали взятки.

Мне нет нужды долго на этом вопросе останавливаться, но думаю, что для вас представляет некоторый интерес характеристика, данная одному из уездных начальников бывшим охранным отделением. Вот что пишет охранное отделение про бывшего уездного начальника Пржевальского уезда: „Полковник Иванов человек с широкими замашками русского барина. Все, что бы не предпринимал господин Иванов, отзывалось известной полезностью. Если господин Иванов играл в карты, то по крупной; если устраивал обед, то подавалось все, что можно

было достать наилучшего. Если господин Иванов совершил поездку по уезду, то поездка напоминала собой триумфальное шествие, для чего собирались в гор. Пржевальске должностные лица и манапы, которые верхами сопровождали экипаж уездного начальника. За ранее в местах остановки выставлялись лучшие юрты и накануне выезжал повар. Как в административных, так и в общественных кругах Семиреченской области полковник Иванов имел свою кличку „Валерьян великолепный“. Полковник Иванов жил выше средств, „взяток не брал“, но в долг занимал у туземцев очень много, сколько именно—определить не удалось, но он был должен почти всем влиятельным и богатым манапам. Однако, и в „долг“ он брал не непосредственно, а через „преданных“ ему туземцев, джигит, которого Иванов провел, волостным управителем (Кадыр). Все эти Кадыры—джигиты сами вымогали деньги, пользуясь своей близостью к начальнику уезда“.

Аналогичное свидетельство о взяточничестве и чинов лесного ведомства мы находим и у Куропаткина: „Лишняя должного контроля лесная стража пишет Куропаткин—является бичем населения и старшичины лесного ведомства признают наличие этих злоупотреблений, но без улучшения материального положения стражи, увеличения числа ее и точного определения границ казенных дач, не видят возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые лесной стражей даже на землях, оставленных в пользовании кочевого населения“.

Нужно отдать справедливость, что охранное отделение метко подметило, что в деле дачи взяток

была организована своеобразная конвеерная система: бедняк, средняк в ауле давал взятку аульному старшине, тот давал волостному управителю, волостной управитель давал переводчику, переводчик давал уездному начальнику, а уездный начальник выше и т. д. И все эти Кадыры, действительно, собирая „подарки“ уездным начальникам приставам, собирали настолько много, что удовлетворяли потребности не только начальства, поддержкой которого они пользовались, но и свои собственные.

До того циничный откровенный характер приняли взятки за последние годы царизма, что в 1916 году в Пржевальском уезде был установлен местный закон, по которому посевщики опять с каждой десятины должны были давать по 5 рублей в пользу чиновников уездной администрации. Эта система взяточничества, присущая природе царизма, привела к тому, что в последние годы его управления начали выдвигаться среди киргиз новые слои манапов, которые достигали этой вершины „общественной“ лестницы, главным образом, при помощи огромных затрат материальных ценностей, в виде дачи взяток уездным начальникам, приставам и т. д.

В Пржевальском уезде в последние годы царизма главную роль в „политической и общественной“ жизни киргиз играли два волостных управителя, которые добились этого поста именно при помощи взяток. Это люди, которые десятки лет служили батраками, потом джигитами уездного управления, впоследствии стали волостными управителями только потому, что, будучи джигитами уезд-

ного управления, они накопили большие богатства, которые им дали возможность не только обеспечить себя, но и при помощи дачи взяток сблизиться с уездной администрацией. Таковы, например, Абдула Сарынов и Сагын.

Интересно отметить, что часть представителей родовых манапов оказались недостаточно приспособленными к эксплуатации трудящихся масс при помощи царских администраторов и оказались застегнутыми на второй план в общественной жизни киргиз при царизме. Это находит отражение в народном творчестве киргиз. В бывшем Пржевальском уезде была очень популярна одна частушка следующего содержания: *Da'asъ qiduqquun orusboldu vüla bolso qudajdybъ vijigitci eken çalçyz attuu Qыdьgвай яо и: boldu.*

Смысл таков: степь Кудургу сделалась русской, это тоже воля Аллаха, а имеющий единственный коня Кыдырбай сделался волостным управителем. Мне кажется, что эта частушка отражает недовольство тех богатых и потомственных манапов, которые оказались при царской власти вытесненными из руководящей роли в общественной жизни киргиз этими Кыдырбаями, которые, имея единственного коня, но пользуясь своею близостью к уездной администрации, давая им большие взятки за счет трудящихся масс киргиз, заняли в общественной жизни киргиз довольно видное положение. Появление на сцену „молодых“ манапов и отход на задний план некоторой части потомственных манапов не должны ввести в заблуждение насчет того, что в категорию „вытесненных“ попало большинство по-

томственных манапов. Нет, большинство потомственных манапов великодушно приспособились к условиям грабежа трудящихся масс при помощи царской администрации.

Нужно сказать, что всякие выборы волостных управителей, биев, старшин, всякие их поездки в уездные и участковые центры, всякие приезды чиновников уездной администрации в волости, и т. д. сопровождались сбрами чыгима, то есть расходом „расходом“ облагалось население в порядке уравнительности, без учета материальной мощности отдельных социальных групп и хозяйств. Поэтому всегда бывало так, что „чыгым“ основной своей тяжестью ложился на плечи трудящихся масс, а богачи и волостные управители, которые собирали этот чыгым, не только не платили его из своего кармана своим „шокровителям“ из числа царской администрации, но имели возможность с их помощью увеличивать свои богатства. Насколько это было узаконено видно из того, что начальники имели штат так называемых джасаулов (конных стратников из киргиз), которые из царской казны ничего не получали, но которые почему то считали выгодным служить без жалованья в управлениях уездных начальников, приставов и т. д. Очевидно выгода заключалась в том, что и они тоже брали взятки у населения и царская администрация об этом знала. Эти „чыгымы“, будучи в несколько раз большее официальных государственных налогов совсем разоряли киргизские трудящиеся массы. Я сам был свидетелем такого случая, когда один бедняк продавал свою последнюю коровенку для того, чтобы,

заплатить „чыгым“ после одного присезда уездного начальника).

Если добавить к этому своеобразную форму эксплоатации, существующую среди киргиз, в видедачи баями и манапами дойных коров и рабочих лошадей во временное пользование бедняку, за что он должен был работать круглые сутки, без ограничения срока и времени со всеми членами своей семьи на этого бая, то вам станет совершенно ясна картина бесправия, безисходной нищеты, безвыходности положения трудящихся масс киргизского населения.

Составной частью колонизации Края царизмом является внедрение в экономику киргизского хозяйства товарных отношений и рост влияния на экономику торгово-ростовщического капитала. Вам известно, что эта форма капитала не создает новых материальных ценностей, а присасывается к хозяйственному организму так, что вытягивает из него все со-и, обескровливает его таким образом, что процесс воспроизводства в дальнейшем вынужден совершаться во все более и более суженных рамках. Этот ростовщический капитал, в киргизской среде, принял такие уродливые формы, что купец-ростовщик весною раздавал населению по 50 коп. ссуды и за эти 50 коп. осенью брал по пойрку (годового ягненку). Или осенью раздавал по 1 р. 50 к. тоже ссуды населению, а весной получал годового теленка. Представителями этого капитала были преимущественно русские кулаки, узбекские и татарские купцы, но и киргизские манапы не остались от этого дела в стороне.

Приведу такой пример: в Кунгей-Аксуйской волости один ростовщик-торговец-киргиз, занимающийся развозной торговлей мануфактуры, дал в кредит одному хозяйству пару галош и по истечении трех лет за эту пару галош он взял у этого хозяйства одного верблюда с верблюженком и коня. Нужно ли доказывать, что это было не исключение в практике торгово-ростовщического капитала, а правило.

Таким образом, наряду с царской администрацией, с ее системой взяток, грабежа и т. д. и в смысле форсирования роста нищеты среди коренного населения.

Если добавить к этому уровень зарплаты, которую получали бедняки и батраки, работающие у киргизских баев, русских кулаков и купцов, то вам станет ясно—до какой нищеты они были доведены. Киргизские бай и манапы зарплату платили натурой и в переводе на деньги батрак, работающий в течение года, получал не более 20-25 рублей, а работающий у русских кулаков получал несколько больше 35-40 рублей. Эти батраки, кроме зарплаты, у своих хозяев ничего не получали и на эту мизерную зарплату они должны были сами одеваться и питаться и вдобавок кормить свою семью.

Внешне свободные, но прикрепленные к земле и стадам, принадлежащим кулакам-эксплоататорам, баям и манапам на кабальных условиях, трудящиеся массы киргизского населения по существу мало чем отличались от крепостных.

Результатом колонизационной политики царизма явилась постепенная убыль коренного населения. С 1902 г. по 1913 г. население сократилось на 8,9%, зато количество переселенцев возросло более чем на 10%.

Вот Вам вкратце результат той восхваленной пропагандистской миссии колонизации, которой не перестают петь дифирамбы лакеи империалистических государств и поныне в странах колониального Востока.

Годы войны, восстание, его поражение и причины поражения.

Годы войны. Что мы имели в годы войны? Мы имели, товарищи, такое положение, когда эксплуатация трудящихся масс усилилась, когда пошли на всю продукцию хлопковых и животноводческих хозяйств были установлены монопольные цены, которые не оправдывали затраченного труда хлопкоробами и скотоводами на производство их. По этим монопольным ценам трудящиеся массы должны были продавать купцам хлопок, кошмы, шинчины, строевых лошадей, юрты и т. д. в то время, как курс рубля падал, цены на промтовары неизменно росли.

Кроме того, были организованы „добровольные“ сборы натурой на нужды действующей армии: кошмы пакаков, веревок, шерсти, кожи, масла и т. д. которые целиком и полностью ложились на плечи трудящихся масс, потому что байство и манапство, поддерживаемые царской администрацией, от всех этих поборов были освобождены. Обычно эти „добровольные“ сборы проводились таким путем: узные начальники или участковые пристава

собирали волостных управителей и им об'явили, что на нужды воинов действующей армии нужно собрать столько то кошм, овчинок, юрт и т. д. Те в свою очередь собирали аульных старшин и аткаминеров и об'явили повеление начальства о сборе, а эти последние никого, конечно, не собирали, а просто делали разверстку по отдельным хозяйствам и устанавливали твердые сроки сдачи. Разумеется, байские и манапские хозяйства от этих сборов освобождались.

О размерах отправленных из Туркестана на нужды войны ценностей в натуре сообщает Куропаткин в своих отчетах царю в 1917 году: было отправлено на нужды войны из Туркестана: 40.899.241 пудов хлопка, 38004 квадратных аршина кошм, 3109 тыс. пудов хлопкового масла, 229 тыс. пудов мыла, мяса в заготовке 300 тыс. пуд., рыбы 473928 пуд. клещевины 50 тыс. пуд. лошадей 70 тыс. голов, верблюдов 12797 голов, юрт 13411 тыс. штук.*). Как видите, последним предметом в перечне отправленных вещей является юрта. Как и у кого брали эти юрты?—бай и манапы не давали юрт хотя и имели по несколько, но за то у бедняка средняка отнимали последнюю. То же самое было и с лошадьми. Если отборочной комиссии нравилась у бедняка лошадь, то эту лошадь без всякой церемонии отбирали. Плюс к этому эти же беки и батраки бесплатно работали для семей солдат сражавшихся на фронтах империалистической войны. Как видите, положение трудящегося коренного

*). Данные привожу по Рысколову — «Восстание туземцев в Туркестане в 1916 г.», стр. 86.

населения к 1916 году было невыносимо. Они должны были нести материальные жертвы на нужды войны не только за себя, но и за баев и манапов. Они должны были работать для семей солдат, не получая за свой труд ничего.

Война, таким образом, еще более ускорила, углубила процесс прогрессирующей нищеты трудящихся масс коренного населения, увеличила армию людей, вынужденных стать пауперами, батраками, которые беспощадно эксплуатировались кулаком, колонизатором, баев, манапом, ростовщиком, купцом и т. д. Рабочими они стать не могли, потому что царизм не развивал здесь промышленности.

Без сомнения, это их положение безисходной нужды, нищеты породило у трудящихся масс вполне законную ненависть к царизму. В это время трудно было встретить среди трудящихся масс киргиз, человека который не желал бы поражения царизму в войне. Каждое сообщение о поражениях царской армии киргизы встречали примерно следующими комментариями: так и следует, „белый царь“ стал несправедливым. Чаша терпения была переполнена. Лишение основной массы киргизского населения—основного средства производства—земли, пастбищ и воды, гнетущая их нищета, отсутствие перспектив выбраться из этой нищеты, обреченность на голодную смерть, желание освободиться от гнета об'единенных сил кулака, царского администратора, ростовщика, бая и манапа и т. д.—вот об'ективные предпосылки восстания 1916 года.

Возмущение трудящихся масс, как пороховой погреб, был готов взорваться, но для этого не

хватало искры огня. И этой искрой явилась „реквизиция“ киргиз на тыловые работы. Таким образом, набор рабочих на тыловые работы явился непосредственным поводом к восстанию, а основные же причины лежали в тех экономических факторах, о которых я уже говорил. Однако, следует оговориться, что набор рабочих на тыловые работы явился в известной мере, и сам по себе тоже причиной, но не решающей, не основной. Основные причины кроются в социально экономических факторах, в том, что режим колониального гнета стал невыносим для трудящихся масс, лишившихся земли, воды, скота, одним словом средств существования.

Тем не менее, я вкратце остановлюсь и на значении набора рабочих на тыловые работы. Никто, конечно, не верил, что набор идет именно на тыловые работы. Почти все были уверены в том, что под этим предлогом набирают в солдаты. Служить же солдатами царской армии никому не хотелось. Служба в рядах царской армии среди киргиз была настолько ненавистна, что в первые годы завоевания края, киргизы не давали своих детей в русские школы только потому, что почему-то были уверены в том, что учившихся в русских школах обязательно заберут в армию. Поэтому, когда первый военный губернатор Семиреченской области Колпаковский открыл русско-туземные школы и предложил манапам отдать своих детей в эти школы, то киргизские манапы сочли необходимым отдать в эти школы мальчиков бедняков и сирот. И, говорят, при этом манапы говорили — „этых сирот не жалко

если даже их заберут в солдаты и сделают православными“. И лишь после того, когда эти сироты не стали ни русскими, ни солдатами, а, сделавшись переводчиками, „прижали“ их самих, они начали отдавать своих детей в русские школы.

Кроме того, немаловажную роль в таком отрицательном отношении трудящихся масс к набору сыграло и их знание действительного положения на фронте. Живя в близком соседстве с русскими крестьянами, имея среди них большой круг знакомства, киргизы были хорошо осведомлены, что многие из тех Иванов, Петров и т. д., которых отправили на фронт, больше не вернутся. Потому то трудящиеся массы встретили „в штыки“ приказ о „реквизиции“ киргиз на тыловые работы.

Среди трудящихся масс киргизского населения не было двух мнений насчет „реквизиции“. Все как один, отнеслись отрицательно к набору рабочих на тыловые работы. И в то время, когда царская администрация, при помощи волостных управителей и влиятельных манапов готовилась к проведению мобилизации, трудящиеся массы готовились к восстанию.

Манапы в своем подающем большинстве отнеслись к мобилизации больше чем благожелательно. Они пустили в ход все средства воздействия на массы вплоть до угрозы „силою русского оружия“, чтобы только обеспечить проведение мобилизации.

Некоторые манапы (Кыдыр), побывавшие в столицких городах России говорили, что они своими глазами видели мощь русской армии и убеждали население, что

бороться с этой силой нельзя, невозможно. „Нельзя воевать с русскими, которые хорошо вооружены. Перестреляют нас, как куропаток и т. д.“ Такие разговоры стали обычными методами убеждения против восстания.

Особенно сильное впечатление на трудящиеся массы произвел приказ, по которому бай, манапы могли откупаться, послать взамен своих детей других наемных бедняков, батраков.

Отдавая этот приказ о льготах, предоставляемых баям и манапам, царские администраторы не без основания расчитывали на их поддержку при проведении набора рабочих, полагали, видимо, что раз будет обеспечена поддержка баев и манапов, должностных лиц, обеспечен будет и успех призыва. Они не учли, что именно этот приказ может сослужить им медвежью службу, обострив до крайности ненависть, злобу трудящихся масс не только по отношению представителей царской власти, но и по отношению баев и манапов. После этого призыва на уговоры манапов, волостных управителей и прочих лакеев царизма согласиться на призыв трудящиеся массы отвечали коротко и убедительно — „вам хорошо так говорить, вы же не пойдете, откупитесь“.

И киргизские трудящиеся массы начали готовиться к восстанию, к борьбе за национальное освобождение.

Никого не должно ввести в заблуждение то обстоятельство, что в некоторых местах Киргизии отдельные манапы приняли участие и даже пытались возглавить восстание. Запомните, что бы-

ие правила, а редким исключением, вызванным тем, что эти прослойки манапов оказались „обиженными“ царизмом, оказались неприспособленными или плохо приспособленными к грабежу трудящихся при помощи царской администрации. Они принимали участие непотому, что хотели бороться с царской властью, не потому что сочувствовали нужде киргизского населения, не потому что они сочувствовали идею национального освобождения, а потому только, что размах движения трудящихся масс был настолько широк, что он переростал через их голову и мог обрушиться на них. Поэтому, когда они увидели бессилие царской администрации в период подготовки к восстанию и активную деятельность со стороны трудящихся масс, они для того, чтобы не потерять влияния на массы, выступили вместе с восставшими, а местами даже и во главе движения. Предательская роль тех, которые были против восстания вам ясна. Но интересно, что и те, которых избирали ханами, оказалось, играли крупнейшую предательскую роль. По Пишпекскому уезду ханами были избраны Шабданов Мокуш, в Загорной волости Канат Ибыкеев.

Как они вели себя? Из показаний того же Каната, который будто бы был избран восставшим населением ханом, который как будто руководил борьбой масс, мы узнаем, что 7-го августа они (Шабданов, Канат и другие) докладывали Пишпекскому уездному начальнику Рымшевичу о том что, молодежь не хочет идти на тыловые работы и просили, чтобы уездный начальник послал в неблагонадежные районы войска. Через три дня там, в

Загорной волости, поднялось восстание и Канат об'явил себя ханом.

Участие в восстании отдельных прослоек байманапов, руководство ими в *отдельных* случаях восстанием, и вносивших в движение „струю феодальной реакции в смысле восстановления ханской власти не могло изменить *революционного* характера восстания. „Революционный характер—пишет тов. Стalin—национального движения в *обстановке империалистического гнёта* (курсив мой Ю. А.) во все не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба Афганского эмира (Амануллы-хана Ю. А.) за независимость Афганистана является об'ективно *революционной* борьбой, несмотря на монархический образ взгляда эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтасчивает империализм, между тем как борьба таких „отчаянных“ демократов, и „социалистов“, „революционеров“ и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой *реакционной*, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма“ (Вопросы ленинизма стр. 49).

И национально-освободительный революционный характер восстания 1916 года вытекает именно из той его природы, что оно было национальным движением народов Средней Азии и Киргизии „в *обстановке империалистического гнёта*“, имело

своим результатом ослабление, разложение и подтасивание российского империализма.

Чем же об'яснить этот факт выбора ханами отдельных манапов? Об'ясняется это тем, что не было руководства восстанием „со стороны политически организованного пролетариата“, так как российский пролетариат в тот период еще не мог открыто выступить на решительную борьбу с царизмом, в помощь восставшим массам. Революционный под'ём российского пролетариата достиг своей высоты только через несколько месяцев, в февральско-мартовские дни, когда он выступил с оружием в руках на борьбу с самодержавием. Единственно революционная партия большевиков в Туркестане была загнана царизмом в глубокое подполье и не смогла руководить восстанием. Таким образом, восстание трудящихся масс Средней Азии, в том числе и Киргизии “осталось без пролетарского руководства и без руководства, большевистской партии“. Это и предрешило ход и исход восстания. Героическое восстание колониально зависимых народов Средней Азии, лишенное единого пролетарского руководства, носившее характер локальных районных выступлений, было подавлено.“

По поводу Ирландского восстания 1916 года Владимир Ильич писал: „Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно, — когда европейское восстание пролетариата еще не созрело“. (Ленин, XIX, стр. 197). Эти слова Владимира Ильича полностью и целиком применимы и к восстанию народов Средней Азии и Киргизии в 1916 году.

Наше несчастье заключалось в том, что в *тот* период российский пролетариат еще не мог открыто выступить на решительную борьбу с царизмом, с российским империализмом и оказать реальную помощь восставшим народам Средней Азии.

Царское правительство против восставших движуло огромные армии, вооруженные по последнему слову техники того времени, тогда как восставшие массы были вооружены самодельными пиками с железными наконечниками, палками с ввинченной гайкой или просто палкой и старо-дедовскими ружьями. Против этой безоружной массы восставших царские генералы двинули огромное количество вооруженных сил, часть которых была снята с фронтов империалистической войны.

Из телеграммы ген. Куропаткина военному губернатору Семиреченской области Фольбауму видно, что против восставших масс только в Семиречье действовали два казачьих полка, одна конная батарея, 35 рот, 24 сотни, 240 конных разведчиков, 16 орудий, 47 пулеметов. Нет нужды доказывать, что силы были неравные. На одной стороне обученная по всем правилам военного искусства армия с централизованным руководством, с орудиями и пулеметами; на другой стороне—massы „вооруженные“ палками, без руководства.

Страх перед восставшими массами у Куропаткина был достаточно велик, что он счел необходимым не только опираться на своих солдат с орудиями и пулеметами, но и на „память“ первых за-воевателей Средней Азии. В своих телеграммах тому же Фольбауму он говорил, что „полковник

Колнаковский, располагая меньшими силами, чем Фольбаум, 52 года тому назад смело выдвинулся из Верного навстречу огромному скопищу, наступавшему на Верный (Алма—Ата) и нанес ему решительное поражение у Кастекского перевала, что генералы Черняев, Романовский, Кауфман и Скобелев завоевали области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую меньшими силами“ и предлагает ему взять пример с них.

Большая часть этих войск была направлена против восставших киргиз, так как нигде в Туркестане восстание не было таким жестким, как в районах Исык-Куля, Нарына и Чуйской долины.

Этим его характером об'ясняется то, что Куропаткин для двух киргизских уездов решил применить особую меру жестокости— лишение киргиз последнего клоака земли. Разрешите это место процитировать, так как оно представляет значительный интерес не только в смысле понимания размаха восстания в киргизских районах, но и того, как царские генералы добивались вымирания киргиз с голода, лишив последнего остатка земли.

„Главарей-волков необходимо переловить,— пишет Куропаткин, а что касается массы баранов, то их можно и простить (какое милосердие?! Ю. А.). В этом смысле я буду доносить и государю, но, конечно, это не касается Пржевальского уезда и Загорной части Пишпекского уезда, где мятежники пролили слишком много русской крови, и где, поэтому, будут наказаны все волости, все побережье Исык-Куля и долины Кебени будут навсегда от-

няты у киргиз, и мятежники будут двинуты в горы Нарынского участка, это сурое наказание—лишение мятежников земли будет достойным для них возмездием". (Цитирую по Рыскулову).

Точно такого же взгляда придерживался и Фольбаум, когда он сообщал свои соображения Куропаткину. Он писал, "что степные киргизы могут быть наказаны мягче, но пишпекских и прожевальских каоакириз надо совершенно из'ять из Токмикской (Чуйской) долины, долины Кельдяни и побережья Исык-Куля". (Цитирую по Рыскулову).

В соответствии с этими установками, карательные отряды, действовавшие в киргизских районах, не считали нужным иметь дело с пленными. Киргизы, попадавшие в руки этих отрядов, расстреливались вплоть до детей.

Больше того. В Караколе, в Тюпе и Теплохлещенске были расстреляны киргизы, уйгуры, которые никакого участия в восстании не принимали, а последние даже наоборот помогали подавить восстание.

Для того, чтобы истребить киргизское население Фольбаум с Куропаткиным разработали такой стратегический план, который предусматривал закрытие проходов и перевалов в горах, по которым могли пройти беженцы. В котловине Исык-Куля, Чуйском районе, Джумгеле, Нарыне, Кок-Арте, Каракаре карательные отряды охотились за киргизами, как за куропатками.

Им удалось подавить восстание 1916 года, разгромить восставшее население и киргизы бежали в Китай, оставив более половины своего имущества в районах Тюпа, сыртов и т. д. В результате бегст-

ва в Китай, действий карательных отрядов убыль людей исчисляется примерно около 150 тыс. человек..

Каково было положение беженцев в Китае? Об этом много рассказывать нет надобности. На границе китайцы-калмыки встретили киргиз с оружием и начали грабить их и здесь киргизы вынуждены были лишиться последнего скота, оставаться без хлеба, без соли и т. д. Началась голодная смерть. Наряду с этим, среди беженцев начался тиф. Таким образом, там киргизы очутились в таком положении, что большая часть их вынуждена была существовать продажей своих жен и дочерей. Тем временем туркестанские царские администраторы осуществляли свои проекты лишения киргиз последнего клочка земли, отдавая с санкции Министерства земледелия киргизские земли русским переселенцам.

В помощь им пришли кулаки русских старожильческих поселков, которые самовольно захватили земли киргизского населения после ухода их в Китай и образовали самовольческие поселки.

После февральской революции, когда беженцы начали возвращаться из Китая, у них не оказалось ни земли, ни приюта. Они группами работали у русских кулаков, у татарских купцов за кусок хлеба, за фунт чая и местами за то только, чтобы их кормили.

Русское кулачество, потерпевшее некоторый материальный урон в восстании 1916 года, создавало отряды, которые ездили по аулам и убивали киргиз. В Каракольском уезде, где восстание было наи-

более жестоким, для киргиз национальный костюм стал национальным позором, национальным врагом. В киргизской шапке, в киргизском халате нельзя было показаться на каракольских улицах. Кулаки, которые приезжали на базар, обязательно устраивали самосуд, избивали камнями, издевались, а представители власти—полицейские—“хранители порядка” стояли тут, накручивали ус и смотрели, как хорошо кулаки, колонизаторы расправляются с беззащитными киргизами.

Февральская революция и положение киргиз.

Февральская революция и в результате ее свержение царя среди беженцев киргиз усилили их тягу к возвращению в Россию в надежде на то, что новое правительство защитит их от кулацкого террора, вернет им земли и окажет помощь в хозяйственном устройстве и т. д. Но эти надежды не оправдались.

Поскольку Временное правительство было правительством *буржуазии и помещиков*, действия его органов трудно было отличить от действий органов царской власти. Никакой реальной помощи со стороны Временного правительства беженцам-киргизам, в отношении возврата им земельной территории и оказания материальной помощи, не было. Наоборот, при временном правительстве были такие случаи, когда в Каракольском уезде один татарский купец некто Ибрагимов, по десятку киргиз запрягал в молотильный каток, как будто у него не хватало лошадей, и силой батраков обмолачивал киргиз-

скую пшеницу, ячмень, которые они не успели убрать во время восстания в 1916 г. и клал их в свой амбар.

Этот же купец в Джеты-Огузовском ущельи, в роще дикой смородины, которую он сделал своей собственностью, заставлял киргиз собирать смородину, и, когда у кого-нибудь из киргиз видел язык, покерневший от того, что он покушал смородины он вытягивал его и бил колючкой по языку. Все это делалось на виду у представителей Временного Правительства.

Уездный комиссар Пржевальского уезда, быв. в эпоху царизма начальником переселенческого управления, устроил так, чтобы киргизское население сосредоточенное в восточной части Иссык-Кульской котловины, переселилось в западную часть, мотивируя тем, что это безопаснее для жизни и имущества киргиз, а в сущности он хотел этим переселением дать возможность русским кулакам ограбить остатки скота и имущества у беженцев, когда они проходили через русские поселки. Он, конечно добился этого.

Может быть, это было “творчество” местных представителей Временного правительства? Может быть, краевые и областные органы Временного правительства занимались вопросами устройства киргиз, оказанием им помощи? Они не отличались от своих местных представителей, не занимались и не хотели заниматься вопросами устройства беженцев. Факт? Комиссарами Временного правительства были назначены по Семиреченской области старый наш знакомый О. А. Шкапский и Тынышбаев, казак-чиновник. И, когда они ехали в Алма-Ата, то

Их во Фрунзе встретили представители беженцев киргиз, рассказали о горькой доле беженцев, о том как кулаки убивают беженцев группами, как беженцы умирают от голода и просили, разумеется, принять меры к ограждению их от кулацкого террора к оказанию им материальной помощи. Что же сделали Тынышбаев и Шкапский? Тынышбаев выслушав заявление, ничего другого не нашел сказать, как „это абсолютно ничего, сейчас нужно думать не об этом, а об учредительном собрании. Первый кандидат, конечно, я, второй Джайнаков а об остальных подумаем в Алма-Ате“.

И когда на следующий день представители беженцев повторили свою жалобу, то ответ того же Тынышбая был коротким и ясным: „не я заставил—сказал он—вас поднимать восстание и не мое дело теперь заниматься этим“. Дальше идти, по жалуй, некуда.

Февральская революция и рождение ею „демократическое“ правительство обманули надежды возлагавшиеся на них киргизами, когда они возвращались из Китая. Нужно сказать, что единственным органом, занимавшимся оказанием помощи киргизам—реэмигрантам, был Областной Киргизский Исполнительный Комитет, но его помощь не доходила до киргизских трудящихся масс. Между тем комитетом и той массой беженцев, которые действительно нуждались в помощи, которые умирали от голода, была промежуточная, передаточная инстанция, в лице киргизских манапов, которые присваивали себе все, что отпускалось для беженцев. Короче, временное правительство ни на иоту

не улучшило положение киргиз. „Демократическое“ правительство не демократично отказалось от спасения киргиз от кулацкого террора и голодной смерти, отказалось вернуть им земли, отобранные царским правительством и кулаками колонизаторами.

В этом нет ничего непонятного. Ведь по существу вся перемена после февральской революции в Средней Азии свелась к переходу органов власти из рук царя и его ставленников в руки представителей российской империалистической буржуазии, которая продолжала считать Среднюю Азию своей колонией, богатейшим источником сырья.

Значительная часть рабочих масс (железнодорожники, рабочие промышленных пунктов Ферганы и т. д.), находившиеся в плену у меньшевиков и эсеров, дезорганизованные колонизаторской политикой царизма, почти до октябряских дней не могли выступить в качестве организаторов сил пролетарских и полу proletарских слоев туземного населения. Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, организовавшиеся после февральской революции, сосредоточились только в городах, охватывая в основном своей деятельностью гарнизоны и русскую часть населения городов.

Поэтому трудящиеся массы аулов и кишлаков попрежнему оставались во власти своих туземных баев, манапов и выразителей их интересов—туземной интеллигенции. Смысл борьбы политических партий и групп, происходившей в городах, оставался для туземных трудящихся масс „китайской грамотой“. Этим можно об'яснить тот факт, что во время выборов в учредительное собрание, так на-

зваемые, представители киргизской „букары“ поддержали кандидатуру того самого представителя контрреволюционной казакской партии „Алаш-Арды“ — Тынышбаева, который, будучи комиссаром временного правительства, категорически отказался заниматься вопросами оказания помощи реэмигрантам киргизам, погибвшим сотнями от рук кулацко-колонизаторских террористов и костлявой руки голода, и который после Октябрьской революции, оказался одним из „вождей“ контрреволюционной, „кокандской автономии“.

Если в период от февраля до октября туземные трудящиеся массы не смогли организоваться как классовые силы, то этого нельзя сказать насчет туземной буржуазии, феодальных и полуфеодальных верхушек и духовенства народов Средней Азии. Эксплоататорские классы народов Средней Азии, в том числе киргизские манапы и байи, великолепно знали смысл развертывающихся событий и спешно мобилизовывали свои силы для борьбы с октябрьской революцией, с Советской властью.

Октябрьская революция и положение киргиз.

Октябрьская революция совершилась в северных районах Киргизии значительно позже, примерно в марте—апреле 1918 г. В южных же районах организация Советской власти была встречена организацией классом эксплоататоров контрреволюционных басмаческих банд.

Не говоря уже о том, что в первый период после Октября советские органы оказались засоренными представителями кулацко-зажиточной, колонизаторской части русского населения, даже у самих туркестанских большевиков не было четкого понимания задач, выдвинутых перед ними Октябрьской революцией в национальном вопросе. Достаточно указать на такой факт, что на 3-м Краевом съезде Советов Туркестанского края от имени большевистской фракции тов. Таболин оглашает следующую декларацию — по вопросу о привлечении представителей трудящихся масс коренного населения в органы государственного управления: „Включение в настоящее время мусульман, в органы высшей Краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций, представительство которых в органы высшей краевой власти фракция приветствовала бы“. (Е. Федоров — „Коммун. мысль“, кн. 2, стр. 56).

Нечего и говорить, что эта декларация не только не отражала ленинскую линию национальной политики партии, но была прямо противоположна ей.

И, однако если в Ташкенте — этом центре Средней Азии, где были лучшие представители туркес-

таких большевиков того времени, разрешение национального вопроса ставилось в плоскость неприемлемости привлечения представителей коренных трудающихся масс в органы государственного управления. То есть явно по колонизаторски, то можно себе представить, какую картину мы имели в таких отдаленных районах, как Семиречье и южные районы Киргизии. Я уже говорил, что здесь органы Советской власти в первое время оказались засореными кулацко-колонизаторской частью русского населения, которые не были способны не только принять радикальные меры в смысле большевистского разрешения национального вопроса, но были неспособны даже приостановить кулацкий террор против киргизского населения, продолжавшийся и в начальном периоде образования Советской власти.

В результате засоренности Советских органов кулацко-колонизаторской частью русского населения, такие акты новой власти, как контрибуция, конфискация, реквизиция и т. д., существующие быть направленными на эксплуатацию эксплоататоров всех национальностей, оказались направленными против всей массы коренного населения и имели своим результатом не столько ослабление экономической мощи эксплоататорских классов, сколько разорение известной части трудящихся масс коренного населения.

Нередко бывали случаи, когда партизанские отряды (отряды Мураева, Мамонтова и др.) сформированные для борьбы с Временным прави-

тельством и его остатками, свой удар одновременно направляли и против коренных жителей. Это положение продолжалось, примерно, до того момента, пока Средней Азии не удалось установить прямую связь с центральной частью Советской России, т. е. до ликвидации Дутовской Оренбургской п. обки.

И эти ошибки и недочеты в политике и деятельности Советской власти Туркестана первых дней после Октябрьской революции были использованы национальной буржуазией, феодальными и полуфеодальными элементами и духовенством, которые великолепно понимали необходимость защиты своих классовых интересов от ударов развивающейся пролетарской революции, для организации туземных трудящихся масс на борьбу с Октябрьской революцией, Советской властью, бросив в мас-сы лозунг борьбы „За освобождение Туркестана от русских“. И часть деиханско-скотоводческой массы, тогда еще не понимавшая, что под этим лозунгом кроется ничто иное, как защита местными эксплоататорскими классами своих классовых интересов, как их борьба на право монопольной эксплоатации туземных трудящихся масс, еще не забывшие дней разгула колониального грабежа царизма поддались под влияние агитации туземной буржуазии, феодальных и полуфеодальных верхушек и духовенства. Результатом этой деятельности местных эксплоататорских классов явилась „Кокандская автономия“, разгром которой явился началом возникновения контрреволюционных басмаческих банд в Туркестане, организация Алаш-ординских белогвардейских полков, сражавшихся на Семиреченском фронте

в рядах Анненской армии против Советской власти, явилось нарынское восстание, в котором принимали участие киргизкие байи, манапы.

Лишь после ликвидации Оренбургской пробки, после присылки из Москвы Турккомиссии ВЦИК'а, коренным образом изменяется национальная политика в Туркестане, и вместе с этим резко изменяется позиция туземных трудящихся масс в сторону активной поддержки Советской власти в ее борьбе с басмачеством, белогвардейцами и с контрреволюционными кулацкими восстаниями.

Зато уже первые шаги Советской власти Туркестана, а затем Турккомиссии ВЦИК'а, по урегулированию межнациональных отношений, по оказанию помощи беженцам и по вовлечению представителей коренных трудящихся масс в органы Советской власти Семиреченским кулачеством были встречены об'явлением ряда восстаний против Советской власти, каковы Беловодское, и Каракольское восстания и мятеж Алма-Атинского гарнизона 1920 года, достаточно популярно описанный Фурмановым.

В 1920-21 году Турккомиссия ВЦИК'а и Туркбюро ЦК РКП проводят в районах Киргизии и южного Казахстана земельно-водную реформу, в результате которой киргизам были возвращены отнятые у них при царизме, при временном правительстве самовольческими кулацкими поселками земли, ликвидированы поселки, захватившие командные высоты оросительных систем и расположенные на кочевых путях киргизского населения.

Только в результате проведения этой реформы

Партии и Советской власти удалось сломить силы колонизаторов, кулачества.

Прежде чем приступить к проведению земреформы 1920-21 года, партийным и советским органам Туркестана пришлось, под руководством Туркбюро ЦК РКП(б) проделать огромную работу по очистке рядов партийной организации и советских органов от кулацко-колонизаторских и бай-манапских элементов, укрепить местные партийные и советские организации известными кадрами большевиков, прибывших преимущественно из центральной части РСФСР, провести большую работу по организации туземных трудящихся масс в союзы Кошчи и, опираясь на них, в основном ликвидировать басмачество.

В результате указанной земреформы и последующих замлеустроительных работ, Партия и советская власть добились того, что уже в 1924 году по бывшему Каракольскому уезду в руках русского населения уезда, составляющего к этому году 33,7 % русско-киргизского населения, осталось 34,4 % пахотной земли, вместо 83 % в 1920 году, а по бывшему Пишпекскому уезду в 1926 году осталось в пользовании 40 % русского населения 41,8 % всей пахотной земли уезда против 57,3 % 1916 году. Дальнейшее проведение землеустроительной работы еще в большей степени закрепило достигнутые успехи в урегулировании землепользования между киргизским и русским населением.

Таким образом, в упорной борьбе с кулацко-колонизаторским сопротивлением, советской власти удалось разрешить коренной вопрос межнациональ-

ных противоречий-земельный вопрос, развязать „гордиев узел“, столь тщательно завязанный более полустолетним колониальным господством царизма.

Минусом этой реформы нужно считать, что она, разрешив земельно-водный вопрос в межнациональном разрезе, не разрешила этого вопроса в разрезе социальном т.-е. бай и манапы остались нетронутыми, но этот минус ни в какой степени не может ослабить значение того огромного плюса, который выражается в лишении кулацко-колонизаторской части русских переселенцев основного средства угнетения киргизских трудящихся масс — земли и воды, который выражается еще в том, что она ликвидировала проклятое наследие царизма — фактическое неравенство в земле и водопользовании между русским и киргизским населением и расчистила пути к развитию производительных сил сельского хозяйства Киргизии.

Разрешение земельно-водного вопроса в разрезе социальном, классовом, выпала на долю киргизской партийной организации и советского правительства Киргизии, что они и сделали, под руководством Средазбюро ЦК ВКП(б) в порядке проведения земельно-водной реформы в южных районах Киргизии в 1927-28 годах, сделали и делают в настоящее время в порядке проведения работы по землеустройству и устройству пастбищных территорий.

Столь запоздалое, на первый взгляд, решение земельно-водного и пастбищного вопроса в социально-классовом разрезе, являющегося основным в деле освобождения киргизских трудящихся масс из под влияния экономической зависимости от феодаль-

ных, полуфеодальных байско-манапских слоев, вытекало и вытекает из своеобразных национальных особенностей — отсутствие национального пролетариата, культурно-политическая отсталость значительной части трудящихся масс аулов, кишлаков и т. д. — советского развития Киргизии.

Чтобы понять это нужно вспомнить и не забывать следующих слов т. Молотова: „Единой деревни нет. Есть деревня, которая имеет массу своеобразных черт — социальных, районно-экономических, национальных и т. д. Стоит припомнить, что совсем недавно, только два года назад, проведена земельно-водная реформа в ряде районов Средней Азии, чтобы понять, что нам еще теперь приходится выкорчевывать остатки феодализма, остатки патриархально-родового уклада; нужно сказать, что эти остатки в той же Средней Азии и в Казахстане далеко еще не уничтожены и это дело не такое быстрое...“

По отношению к ряду районов, в особенности Советского Востока, нам приходится говорить не об оживлении советов а о создании советов“.

Эти положения товарища Молотова, в отношении создания советов, сохранили свою силу для некоторых отдаленных районов Киргизии и на сегодняшний день. Вспомните, что только год назад мы создали советы в Сыртовой полосе, бывшего Каракольского кантона, только в этом году нам удалось советизировать некоторые районы юга (Алай), при помощи посылки туда Джаялунного совета, что в таких районах, как Атбashi, Кетмень-Тюбе, Сусамыр, Кизил-Джар приходится бороться

безобразными явлениями извращения некоторыми советами линии пролетарской диктатуры в интересах классовых врагов.

И могли ли мы без того, чтобы на местах иметь большевистские ячейки-советы, без того, чтобы сами трудящиеся массы поддерживали нас в ломке феодальных, патриархально-родовых отношений, лишь одним декретом сверху, выкорчевывать остатки феодализма, остатки патриархально-родового уклада? Разумеется, нет.

Возвращаясь к итогам земельно-водной реформы в южных районах 1927-28 годов. Чего мы добились в результате этой реформы? Ликвидировали 497 помещичьих нетрудовых байских хозяйств, которые имели 20162 га пахотной земли из 3447 хозяйств, которые имели выше трудовой нормы произвели отчуждение 17277 га пахотной земли. На этих землях, плюс на землях отсутствующих и выморочных хозяйств, вакуфных, ГЭИ и вновь орошенных устроили 18 тыс. малоземельных и безземельных бедняцких хозяйств. При чем в этой реформе подверглись ликвидации в основном киргизские помещичьи феодальные хозяйства. Итак, если в результате первой земреформы мы добились ограничения эксплоататорских возможностей кулакско-колонизаторской части переселенцев, то в результате второй земреформы мы нанесли сокрушительный удар по феодально-помещичьим киргизским хозяйствам.

Если аграрная политика царизма имела своим результатом разобщение трудящихся масс народов, населяющих Киргизию, их борьбу

между собой за землю, за воду, за пастбища то аграрная политика Партии и Советской власти имеет своим результатом обединение и организацию сил трудящихся масс дехканства-крестьянства всех национальностей Киргизии на борьбу против бая, манапа и кулака.

Следующим этапом в разрешении национального вопроса партией и Советской властью явилось национальное государственное размежевание Средней Азии, после которого образовалась Киргизская Автономная область, затем преобразованная в Автономную Республику. Образование национальной советской государственной единицы с широким вовлечением в органы государственного управления батраков, бедняков и лучших представителей средняков обеспечило быстрейший культурный и хозяйственный рост трудящихся масс Киргизии.

Разрешите для характеристики хозяйственного и культурного роста Республики привести цифры.

Сельское хозяйство. Посевная площадь в 1931 г. по плану составляет 1002,09 тыс. га против 560,2 га дореволюционного времени, в том числе хлопка 105,5 га против 27 тыс. га. Поголовье скота в 1930 году 6807482 гол., против 4756000 гол.

Из общего количества посевной площади Республики приходится на социалистический сектор — колхозы и совхозы — 396,5 тыс. га, в том числе хлопка 61,1 тыс. га. По животноводству 17 животноводческих совхозов с поголовьем 360866 голов и 52 проц. коллективизированных дехканских и скотоводческих хозяйств в своих руках сосредоточили

1569896 голов из общего поголовья скота Республики.

8 МТС и 51 тыс. плугов, при помощи которых обрабатываются дехканские поля—это только пионеры в деле подведения технической базы под социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

Мелкотоварное, малопроизводительное, почти нищенское единоличное дехканское хозяйство уступило место крупному колективному хозяйству, а доисторический омач вытеснен и вытесняется трактором и плугом.

За счет орошения новых земель и технического переустройства старых туземных ирригационных систем выросла поливная площадь Республики до 581,6 га против 426,3 га дореволюционного времени. Там, где Васильев, по приказу царского правительства, проектировал создать офицерский городок, как опорный пункт царизма в деле колониального порабощения им киргизских трудящихся масс—вырос советский гигант новых лубяниных культур—совхоз ЧУЛУБ, как один из опорных пунктов социалистической реконструкции сельского хозяйства Киргизии.

Если царизм в течение полутора столетия разрушал, в интересах колонизации, осевшие киргизские хозяйства, то Советская власть ставит перед собой задачу в 1933 году обеспечить полное оседание кочевых и полукочевых хозяйств.

Промышленность. Хищнически эксплуатируемые капиталистами, кустарного типа, угольные копи Киргизии стали гигантами социалистической горной промышленности Средней Азии, Добыча

угля в 1931 году (по плану), составляет 1011 тыс. тонн против 36 тыс. тонн дореволюционного времени.

Хлопкоочистительный, сахарный, кожевенный заводы, шелкомотальная фабрика, мясокладокомбинат, комбинат треста „Редких металлов“—это только пионеры в деле социалистической индустриализации Киргизии.

Короче—валовая продукция цензовой промышленности выражается в 1931 году в сумме 59,2 мил. рублей против 1,2 мил. рублей дореволюционного.

Просвещение. Грамотность населения Республики, по данным Наркомпроса составляет около 35% в 1931 году против 4 проц. дореволюционного времени. В этом году количество всех школ составляет 942 с общим количеством учащихся 98,660 человек против дореволюционных 70 школ с количеством учащихся 3,600 человек.

Если в дореволюционное время не было ни одного киргиза с высшим образованием, то с этого года организуется три ВУЗ'а—во Фрунзе—животноводческий, новолубянских культур и педагогический. Введение всеобщего начального обучения стало задачей сегодняшнего дня.

Киргизские трудящиеся массы увидели то, о чем даже не могли мечтать в дореволюционное время —литературу и газеты на родном языке.

Здравоохранение. „Бахши“, „бабки“ и захари в киргизском ауле уступили место советскому врачу. Количество больниц в этом году составляет 37 единиц с количеством в них коек 1 269 против 6 больниц со 100 койками дореволюционного времени.

Количество амбулаторий, врачебных пунктов и других санитарных учреждений составляет в этом году 197 единиц против 21 единицы до революции.

Детясли, сады, площадки, количество которых в этом году составляет 483 единицы—это те учреждения, о которых киргизы в дореволюционное время не только не могли мечтать, но и не имели никакого представления.

Передвижные врачебные отряды по обслуживанию кочевников разбили „легенду“ о том, что киргизские кочевники боятся врача.

Транспорт и связь. Построено за время Советской власти железной дороги на 207 км. Впервые в истории киргизы услышали паровозный гудок только при Советской власти.

Количество почтово-телеграфных единиц составляет 156 против 25 в дооктябрьский период. Протяженность телеграфных линий увеличилась в 1,4 раза, телеграфных проводов в 2 раза против дореволюционного. Киргизский „Узун-кулак“ уступил место телеграфу и радио.

Только с 1925 года по 1931 год вложения на хозяйственное и культурное строительство Киргизии составляют из бюджета КирАССР 76.985.000 рублей, не считая вложений за счет союзного бюджета РСФСР и других источников, которые только на 1931 год выражаются в сумме 162.588.000 рублей.

На основе огромных хозяйствственно-культурных достижений, советизации кочевых районов, победного роста социализма, в результате правильного осуществления национальной ленинской политики

Партии мы добились того, что киргизские трудающиеся массы, 15 лет тому назад поднимавшие восстание против царизма, не желая итти на тыловые работы, в этом году по решению выразителя воли трудящихся масс Киргизии—3-го съезда Советов призываются в ряды рабоче-крестьянской красной армии с тем, чтобы трудящиеся киргизские массы, вступив в ряды рабоче-крестьянской красной армии, наряду с русским, украинским и татарским мужиком с оружием в руках могли защищать завоевания Октября.

То, что сегодня делает рабочий класс Советского Союза—индустриализация страны, колективизация сельского хозяйства, ликвидация кулака, как класса, на основе сплошной коллективизации стало родным делом для киргизских трудящихся масс.

Беря пример со своих старших товарищей, идя по пути, намеченному Ленинской партией, и на основе достигнутых успехов в области хозяйственного и культурного строительства, индустриализации Киргизии, реконструкции сельского хозяйства и колективизации, киргизские трудящиеся массы в ряде районов на сегодняшний день ставят вопрос о ликвидации кулачества и байства, как класса, на основе сплошной коллективизации.

Социалистическое наступление рабочего класса по всему фронту, растущая мощь Советского Союза, как международного фактора, вызывают бешенную ненависть у внешних и внутренних врагов Советского Союза, их борьбу против побеждающего социализма. В этой борьбе двух систем—загнивающего капитализма и побеждающего социализма—

победа за нами. Порукой этому является ленинское руководство ЦК ВКП(б) социалистическим строительством в стране Советов, успешное выполнение рабочим классом нашей страны программы пятилетнего плана строительства социализма, поворот основной массы крестьянства и дехканства к социализму, растущая мощь оборонноспособности Советского Союза.

15 лет тому назад угнетенные народы Средней Азии подняли восстание против империалистического гнета царизма, но потерпели поражение, научившись тому уроку, что без руководства национально-освободительной войны угнетенных народов со стороны пролетариата России им не победить царизма, империалистической русской буржуазии,

То, что не смогло сделать восстание 1916 года—дать национальное освобождение угнетенным царизмом, буржуазией народам Средней Азии—дала победоносная пролетарская революция в Октябре 1917 года.

Революционный Геркулес—рабочий класс России в Октябре 1917 года разрушил Россию „тюрьмы народов“ и создал на развалинах старой России Союз Советских Социалистических Республик—социалистическое отечество угнетенных масс всех стран мира.

ПРЕДВЕСТИК ОКТЯБРЯ

(к 15-летию восстания в Киргизии в 1916 году)

10 Августа исполняется 15-летие восстания киргиз в 1916 году. Историческое значение этого восстания не только в том, что оно явилось предвестником великого Октября, но и в том, что оно показало с наглядной ясностью пробуждение трудящихся масс киргиз, их волю к борьбе за национальное освобождение от гнета буржуазно помещичьих классов царской России. Непосредственным поводом, вызвавшим восстание, был набор рабочих из местных национальностей на тыловые работы фронта, но это только непосредственный повод, а не причина. Причина восстания кроется в социально-экономических отношениях, сложившихся к тому времени в Туркестане. Чтобы дать исчерпывающий анализ социально-экономических отношений того периода в Туркестане, нужно было бы написать не статью, а томы книги. Поэтому мы ограничимся, если можно так выразиться, кратким обозрением социально-экономических факторов, вызвавших восстание в одном из районов Туркестана—на территории нынешней Советской Киргизии.

Известно, что Туркестан был колонией царизма и его колонизация шла по линии отчуждения лучших земель у туземного населения, главным образом у

киргиз, и образования на этих землях переселенческих поселков. Правовой базой для такого захвата служило известное степное положение, действие которого было распространено и на колонизированные районы Туркестана, по которому земли, находящиеся в пользовании киргизского населения, были об'явлены собственностью государства. Хотя статья 125 степного положения и говорила о неотчуждаемости культивированных киргизами земель от них, но это не имело практического значения. Постоянная угроза захвата помещичьих земель крестьянами Центральной России и Украины, необходимость ослабить аграрные волнения в этих районах вынуждали царское правительство и его местные органы идти по линии нарушения собственных же законов и максимального захвата киргизских земель.

Оставалось найти пути „безболезненного“ отчуждения киргизских земель и эти пути были найдены. Чиновники переселенческих управлений, занимавшиеся изучением, исследованием почвенно-геологических и топографических условий Киргизии с целью определения пригодности отдельных территорий для ведения сельского хозяйства, включали в категорию пригодных земель и непригодные. И на эти непригодные для сельского хозяйства земли впоследствии водворяли киргизское население. Стремление трудящихся масс киргиз сохранить за собой лучшие земельные территории путем оседания встречали такие препятствия со стороны местных органов царской власти, преодоление которых для киргизского населения того времени оказалось не под силу. Дело в том, что условием оседания кир-

гиз на землю местные представители царизма ставили обязательно принятие православия и службу киргиз в рядах царской армии. Это не новость для тех, которые знают руссификаторскую политику царизма в колониях. Однако, в этом отношении характерно заявление бывшего начальника переселенческого управления Пржевальского уезда некоего Юдина. Когда в 1912 году часть киргиз Кунгей-Аксуйской волости бывшего Пржевальского уезда (ныне Киргизия) подала заявление об оседании, то указанный Юдин приехал в указанную волость и, собрав подавших заявление, сообщил им: „Правительство царя охотно идет навстречу вашим желаниям, но вы должны знать, что это налагает на вас ту обязанность, что вы должны стать крестьянами, то есть давать своих детей в солдаты, а потом принять веру царя“. Этим было сказано все, то-есть путь к оседанию для большинства киргиз закрыт. Провокационный характер этого разъяснения совершенно очевиден. Царские чиновники превосходно знали религиозный фанатизм киргиз и их смертельную боязнь службы в солдатах царской армии и этим разъяснением колонизатор Юдин добился того, что большинство подавших заявления отказались от оседания.

Процесс колонизации шел настолько сильно, что в годы войны возникли уже проекты выселения киргиз из Чуйской долины и котловины Иссык-Куля, в горные районы центрального Тянь-Шаня преимущественно в районы бывшего Нарынского кантона, где возможно было заниматься только животноводством и то в ограниченных размерах из-за не-

достатка зимних пастбищ, из-за невозможности создания устойчивой кормовой базы животноводства на основе развития посева кормовых культур. Этот проект выселения киргиз был не сумашедшим бредом отдельных чиновников министерства землеустройства и земледелия царского правительства, не выдумкой его местных органов, а логическим завершением проводившейся с начала колонизации Туркестанского края политики. Достаточно чтобы убедиться в этом, привести два факта, имевших место в истории колонизации Киргизии. Факт первый.

В 1900 году крестьяне, переселившиеся, вернее переселенные из губерний центральной России, самовольно захватили лучшие земли киргиз бывш. Ботгушевской волости (Чуйская долина), что лишило киргизское население возможности нормально развивать свое хозяйство. Жалоба киргиз о возврате им указанной земли и выселении оттуда самовольцев захватчиков находит удовлетворительное для них решение в бывш. Семиреченском областном правлении, но тогдашний туркестанский генерал-губернатор отменяет решение Семиреченского областного Правления, мотив: "он не может согласиться на выселение русских, как на мере, подрывающей престиж русского человека в Средней Азии".

Факт второй.—Киргизы указанной выше Кунгей Аксуской волости после "отказа" от оседания были выселены в 1913 г. в верховье р. Чилик бывш. Джаркентского уезда, т. е. в горы, где единственным источником существования могло быть только животноводство, интенсификация которого

исключалась, ввиду невозможности создания из-за климатических и почвенных условий, устойчивой кормовой базы на основе развития земледелия. Таким образом, указанный выше проект выселения киргиз должен был завершить этап колонизации Киргизии царским правительством, служил началом окончательного обнищания киргизского населения. Окончательного потому, что процесс обнищания киргизской массы начался с первого дня колонизации.

Известно, что до завоевания царизмом края основным занятием, пожалуй даже исключительным занятием киргизского населения, было животноводство, базировавшееся на огромном просторе естественной кормовой базы—пастбищной территории. И, разумеется, по мере захвата царским правительством лучших земельных территорий, обеспеченных водой, служивалась пастбищно-кормовая база для развития животноводства. Процесс колонизации был одновременно процессом деградации животноводческого хозяйства киргизского населения. Отсутствие учетно-статистических материалов, характеризующих состояние животноводческого хозяйства до-колонизационного периода, не дает возможности установить размеры упадка животноводства за годы владычества царизма, но по рассказам живых свидетелей впохи, сокращение поголовья скота было не менее, чем в два раза. Такое сокращение шло, главным

*) Если этому проекту не было суждено осуществиться, то в этом не повинны ни царское правительство, ни его местные органы, а "повинна" Октябрьская революция.

образом, за счет разорения маломощных групп животноводческих хозяйств, бедняцко-средняцких слоев населения. Этому процессу стремительного обнищания трудящихся масс значительно способствовало также внедрение в кочевые районы торгово-ростовщнического капитала, свойством которого является выжимание «кровавого» сока из хозяйственного организма страны.

Итак, первым и самым важным результатом колонизации было „освобождение“ киргизского населения от хорошей земли, сокращение поголовья скота и, следовательно, понижение материального уровня существования масс трудящихся. Это, однако, не все. Известно, что в условиях Средней Азии земля без воды—ничто. Тоже самое и в Киргизии. Без воды земля—ничто. Но порядок водопользования в том же был. Пржевальском уезде, установленный органами царской власти, был таков, что киргизы, пользовавшиеся водой из одного арыка с русским населением, фактически лишиены были права на воду.

Ничем иным, как лишением права на водопользование нельзя назвать такой порядок, когда киргизы могли пользоваться водой для полива только по воскресным дням и то не всегда.

Так обстояло дело в 1916 году с земельно-водным вопросом в междунациональном разрезе.

Если обратиться к тому, как обстояло дело с распределением земли среди самого киргизского населения, то и здесь мы видим обездоленность трудящихся масс. Лучшие земли из худших, оставленных в пользовании киргизского населения, были

сосредоточены в руках небольшой группы манапских и байских хозяйств, державших в своем подчинении трудящиеся массы и в силу влияния родовых пережитков, и в силу того, что в их руках был сосредоточен и другой фактор материального воздействия на маломощные скотоводческие хозяйства.

Мы выше указали, что в связи с сужением пастбищно-кормовой базы животноводства в годы колонизации происходило количественное сокращение поголовья скота.

Нужно сказать, что те же причины вызвали ухудшение качественных показателей. В составе стада произошло значительное уменьшение удельного веса крупного скота (лошадей и крупного рогатого скота).

Если колониальная политика и практика царизма до невероятности сузила для киргиз рамки производственной возможности развития сельского хозяйства в целом и животноводства в частности, и, если торгово-ростовщнический капитал, по меткому определению Маркса, не изменяет способа производства, „но присасывается к нему (к производству), как паразит, и истощает его до полного упадка, высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизведение совершаться при все более жалких условиях“, то налоговая политика царизма еще более способствовала разорению трудящихся масс и деградации животноводства. Так называемые, земские подати, школьные налоги (хотя дети трудящихся и не учились в школах), облагаемые не по признакам экономической мощности, а на ос-

нове уравнительности, всей тяжестью ложились на плечи трудящихся масс киргизского населения.

Более того, почти всегда бывало так, что манапские и байские элементы, связанные тем или иным способом с местной администрацией, ухитрялись сбор госналогов проводить таким образом, чтобы не только свою долю налога уплатить за счет переполученной с трудящихся масс суммы, но кое-что оставить у себя.

Известно, что царские чиновники не отличались особой чистоплотностью по части взяток. Взятки брали, начиная от генерал-губернатора края до последнего пятидесятника в ауле. Взятка была связующей нитью между чиновниками царской службы и теми из киргизской эксплоататорской верхушки, которые при помощи этих чиновников получали ту или иную административную должность (волостной управитель, бий, старшина). Обычно делалось так, что волостной управитель давал взятку чиновнику, а потом после отъезда получателя взятки, увеличив данную сумму в несколько раз, раскладывал ее на население под названием „чыгым“. Размер этого чыгыма был в десятки раз больше чем размер официальных государственных налогов, так как „чыгым“ собирался не только тогда когда давали взятку уездным начальникам, приставам, переводчикам и т. д., но и тогда, когда волостной и аульной администрации нужно было ехать в уездные и участковые центры. Больше того, „чыгым“ собирался и тогда, когда какой-нибудь волостной управитель устраивал пышный „той“ (пир) по случаю своей победы на выборах, или поминок по своим умершим родственникам.

Добавьте к изложенному выше и те виды кабальной эксплоатации трудящихся, которые практиковались эксплоататорской верхушкой киргиз в виде дачи „саан“ молочного скота на временное пользование и „куч“—рабского на временное пользование, за которые получатели должны были работать всей семьей на владельца круглые годы и без ограничения времени. „Освобожденные“ от земли и скота трудающиеся массы киргизского населения составляли армию батраков, работающих у русских кулаков и киргизских манапов и баев. Стоимость труда батраков, оплачиваемая нанимателем, была так низка, что каждый батрак получал в среднем не более 40 рублей за год своей работы. И это тогда, как батрак работал неограниченное время, когда он должен был содержать на эту сумму не только себя, но и свою семью.

Годы войны только усилили прогрессирующую нищету трудящихся масс киргизского населения. Трудящиеся массы должны были нести на своих плечах дополнительное бремя, в виде бесплатной работы для семей солдат, сдачи государству кошм для нужд армии и т. д. Сказанного достаточно, чтобы представить себе до какой беспросветной нищеты и бесправия были доведены трудящиеся массы киргизского населения политикой и практикой колонизационной работы царизма к моменту восстания в 1916 году.

Известно, что вершители судеб метрополии, капиталисты, помещики и их слуги всегда жаловались и ныне жалуются в странах капитала на неблагодарное туземное население, которое якобы не принимает собственной выгоды, получаемой от приоб-

щения их к культурным государствам, к прогрессу и цивилизации.

Может быть, действительно, от колонизации царизмом Туркестана его народы, в том числе киргизы, стали более культурными? Может быть, царское правительство открыло такое количество школ и больниц, что киргизы сделали шаг вперед в области социально-культурных достижений?

Ничего подобного. Царизм сделал, все, что было в его силах, чтобы задержать культурный рост народов Туркестана, в том числе и киргиз. Из миллионного населения нынешней Советской Киргизии к моменту Октябрьской революции грамотных было только 4% и на всю республику было 6 больниц с 100 больничными койками. Существовавшие школы, больницы были сосредоточены в городах и селениях с исключительно русским населением. Существовавшие 6-7 русско-туземных школ, в которых должны были обучаться дети коренного населения, были закрыты для детей трудящихся масс. В этих школах обучались дети эксплоататорской верхушки, дети манапов, баев и торговцев, которые срослись с местной царской администрацией и имели возможность учить своих детей в школах. Целевая установка этих школ-подготовка russификаторов переводчиков, которые, став таковыми, не отставали в гребеже киргизского населения от своих учителей-царских чиновников.

Киргизский аул, вернее, дети трудящихся масс были отданы во власть местного духовенства, могли обучаться только в духовных школах, в которых готовили безграмотных, но верных „бо-

гу“ рабов, и холуев царизма, манапов и баев.

Открытие новометодных школ в киргизских аулах, т. е. школ, в которых было бы введено преподавание естествознания, географии, истории и т. д. преследовалось с неменьшей жестокостью, чем революционные организации в центральной России и в тех ее частях, где таковые были.

Итоги колонизации Киргизии можно было бы подвести в словах деградации хозяйства, культурный застой, безудержная эксплуатация, доходящая до физического уничтожения трудящихся масс. И этих фактов было бы достаточно, чтобы поднять восстание. Но это не все.

Чтобы полнее представить себе природу причин, вызвавших восстание, необходимо выяснить еще межнациональные взаимоотношения, отношения между переселенцем и киргизским дехканом. Царское правительство, щедро наделив землей переселенца-мужика за счет киргиз, в то же время подготовляло из переселенцев опорные отряды для целей дальнейшей колонизации и укрепления своих позиций в завоеванных уже территориях. Переселенцы, будучи достаточно вооружены и имея постоянную поддержку со стороны местной царской администрации могли безнаказанно издеваться и издевались над киргизами.

В дни праздников и призыва в армию для киргиз было не безопасно проезжать через русские села.

Многочисленные батраки, отработавшие определенный срок у переселенцев, не получали заработную плату и их попытка через мировых судей получить свой заработок почти всегда кончалась их

поражением. Судьи решали в пользу тех, которые были в состоянии увеличить их побочный заработка. Таким образом, роль русского мужика-переселенца в понимании ее (роли) киргизским дехканом сводилась к тому, что последний видел в первом верную опору царя и колонизатора. Отсюда борьба киргиз против переселенцев обективно была борьбой против царизма и его колонизационной политики.

Для выяснения причин восстания важно выяснить еще один вопрос—политику царских ставленников, вернее чиновников в среде самого киргизского населения.

Известно, что начальный период колонизации территории, ныне входящей в Кир. АССР, совпадает с периодом переходного этапа от родовой общины к феодализму.

Феодализм, по сравнению с родовой общиной является прогрессивным в этапе развития общественных отношений. Феодализм предполагает наличие классовой дифференциации в более выпуклой форме. Но царизм был настолько заинтересован в сохранении пережитков родовых отношений, что он, вернее его чиновники на местах, административное устройство проводили под углом зрения родового деления. А это предполагает борьбу между отдельными родовыми группировками, следовательно, играет на руку царской администрации.

Чем меньше единства и согласия в среде самого киргизского населения, тем было выгоднее царской администрации.

А борьба между отдельными родовитыми вождями за влияние, за власть опять-таки приводила к тому что „родовая честь“ разоряла трудящиеся массы.

Таким образом читатель видит, что в деле закрепления Семиречья, как колонии царизма, политика и практика царских колонизаторов сводились к тому, чтобы задерживать развитие производительных сил, задержать рост национальной культуры и создать такие условия, при которых было бы обеспечено постепенное но верное вымирание киргизского населения, особенно трудящихся масс его.

Итак, царские администраторы сами подготовили почву для восстания. Нужен был повод и соответствующая обстановка. Поводом к восстанию явился набор рабочих из киргиз на тыловые работы, а обстановка была создана условиями войны, т. е. тем, что почти все мужское русское население было на фронтах.

Восстанием были охвачены почти все области Туркестана, но наиболее широкий размах восстания был в пределах бывш. Семиреченской области. Напрашивается вопрос—почему? Потому что быв. Семиреченская область, куда входили и северные районы Киргизской АССР, была районом наиболее интенсивной аграрной колонизации, и ни в одной из остальных областей бывш. Туркестанского края захват земель туземного населения не сопровождался таким все возрастающим обнищанием туземных масс.

Насколько Семиречье было центром колонизационной работы, видно хотя бы из того, что в 1906 г. в бывш. Туркестанском крае было 106.000

душ крестьян-переселенцев и из этого числа 69.000 душ было сосредоточено в одной Семиреченской области. Добавьте к этому, что в Семиречье переселялось из центральной России не просто избыточное крестьянское население, а такие элементы, которые могли бы быть опорой царизма, и в основном станет понятным вопрос, почему в быв. Семиреченской области восстание было наиболее широким и жестоким.

Пару замечаний о характере восстания, о составе участвовавших в восстании сил.

Восстание было поднято широкими массами трудящихся, особенно молодежи, которая подлежала мобилизации. Трудящиеся массы аулов подняли знамя борьбы за национальное освобождение от гнета царизма, империалистической русской буржуазии. Эксплоататорские классы, байи, манапы вместе с царскими администраторами сделали все, что было в их силах, чтобы удержать массы от борьбы, от восстания, а когда восстание стало совершившимся фактом, то они—байи, манапы (Чолпонкул, Джидебай и др.) оказали активную помощь царской администрации в подавлении восстания силою оружия царских карательных отрядов. И только в некоторых местностях, как исключение, байи и манапы приняли участие и даже пытались возглавить восстание „от части под давлением „букарь“ (бедноты), боясь потерять на нее свое влияние, от части потому что хозяйственное колонизаторов в Киргизии, приводившее к изгнанию киргиз в горы и их вымиранию, все более и более сужало базу эксплоата-

торской деятельности манапов“ (тезисы Средазбюро ЦК).

Восстание 1916 года потерпело поражение. Оно было подавлено царской властью с такой жестокостью, с какой была подавлена ею революция 1905-6 годов. Карательные отряды царизма наводнили территории, населяемые киргизами и казаками, и расстреливали их вплоть до грудного ребенка. Около 15000 человеческих жертв, погибших во время и после восстания, погибших от пули и клинка царских пачачей, погибших от руки кулацко-колонизаторских элементов русских переселенцев, 15000 человек это только жертвы „организованного“ убийства, а сколько их, восставших, погибло в Китае, куда они бежали после восстания и в России временного правительства, куда они возвратились после февральской революции.

Небезинтересно отметить, что царское правительство не ограничилось убийством стольких людей. Оно взяло твердый курс на уничтожение киргизского населения, отобрав и те жалкие остатки земельной площади, которые оставались у киргиз. Приказом генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина „все земли, политые русской кровью“ отбирались у киргиз, а органы переселенческого управления составили проект выселения киргиз из Чуйской долины в балхашские пески и Иссык-кульской котловины в горные ущелья центрального Тянь-Шаня.

Опыт восстания 1916 года показал, что национальное освобождение трудящихся масс колонии невозможно без победоносной социалистической ре-

волюции пролетариата метрополии. Доказательство этому — уроки восстания 1916 года и уроки Октября 1917 года.

Только в результате победы социалистического пролетариата б. российской империи в Октябре 1917 года трудящиеся массы киргизского населения добились освобождения от гнета царско-буржуазно- помещичьих и местных паразитов и стали на широкую дорогу хозяйственного и культурного развития. Чтобы убедиться в этом достаточно сказать немногое.

Так, посевная площадь в 1931 году составляет 1.040.000 га против 560.000 га до революции, в том числе хлопка 103.000 га против 27.000 га. Поголовье скота в соответственные годы 7.513 900 и 4.800.000. Грамотность населения в соответственные годы в процентах около 45 и 4; количество больниц и лечебных коек за те же годы — 36-6 и 1.542—100.

45% колхозного дехканского населения Киргизской республики составляет мощный отряд социалистической переделки сельского хозяйства.

Совхозы — 19 животноводческих, 3 хлопковых, 2 новых лубяных культур, 2 опийных — вот головной отряд социалистической реконструкции сельского хозяйства Киргизской республики.

Новые угольные шахты, сахарный завод, шелкомотальная фабрика, заводы сурьмы и ртути, хлопкоочистительный и кожевенный заводы, мясокомбинат — вот первые в перечне промышленного роста республики кузницы, где куются национальные кадры промышленного пролетариата. Трактор-

ные колонны (665 тракторов, 8 МТС), работающие на полях дехканина-колхозника и освободившие их от зависимости от исторического омача.

Если царское правительство, поддерживаемое баевами, манапами, всячески тормозило дело оседания кочевников, ставило в неравное положение в воде и землепользовании киргизских трудящихся с пришлым населением и баевами и манапами, если оно добивалось этим сохранения господства баев и манапов над кочевым и полукочевым аулом, то советская власть с первых дней своего существования начала проводить такую политику, которая обеспечила ликвидацию неравенства в воде и землепользовании киргизских трудящихся масс с пришлым населением, которая обеспечила и обеспечивает оседание трудящихся и на этой основе ликвидацию пережитков родовых отношений, господства баев, кулаков и манапов.

Земельно-водные реформы 1921 года и 27—28 годов, в результате которых возникли десятки бедняцко-батрадских и средняцких поселков на землях, отнятых у кулаков, манапов и баев, были первыми мероприятиями советской власти по оседанию кочевников.

В этом году обеспечить оседание 8 тысяч кочевых и полукочевых хозяйств, 1932 году 30 тысяч хозяйств, а в 1933 году 38 тысяч хозяйств — такова боевая директива Киргизского Обкома партии, которая выполняется и будет выполнена партийно-советскими организациями Киргизии, причем мы абсолютно уверены в том, что эти хозяйства будут в шеренге передовых колхозов.

Оседание обеспечивает, ликвидацию родовых пережитков, влияний манапов, баев и кулаков на трудящиеся массы и быстрейшее приобщение последних к социалистической экономике и культуре пролетариата.

Это знаем мы, строители социалистического общества, но это знают и наши классовые враги, манапы, баи и кулаки. Поэтому, они, классовые враги, оказывали и будут оказывать сопротивление мероприятиям партии и Советской власти по оседанию трудящихся масс кочевых и полукочевых хозяйств.

Разбить классовых врагов, сломить их сопротивление и обеспечить выполнение боевой директивы партии об оседании кочевых и полукочевых хозяйств—это долг каждой ячейки, каждого совета, коммуниста, комсомольца и советского работника.

Советская власть тоже призывает киргизское население в ряды Красной армии, но как и для какой цели?

Царское правительство хотело заставить киргизские трудящиеся массы стать под оружие для защиты господства эксплоататорского меньшинства над трудящимся большинством, хотело их сделать пушечным мясом ради интересов эксплоататоров, а Советское Правительство Киргизии в лице 3-го Съезда Советов КирАССР приняло решение о введении закона об обязательной военной службе в Киргизии только по настоянию самих трудящихся масс которые хотели, „принять активное участие в обороне советского государства и в строительстве ее вооруженных сил“.

Служба в рядах красной армии, армии защиты мирного труда рабочих и крестьян и социалистического отечества стала делом чести каждого сознательного трудящегося.

Это поняли и киргизские трудящиеся массы. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на тот факт, что до сих пор киргизские части Красной армии укомплектовывались исключительно из добровольцев—батрацко-бедняцкой и средняцкой молодежи.

Кажется довольно.

За 14 лет советской власти киргизские трудящиеся массы добились того, чего не могли добиться за весь период их прошлой истории. Знаменем для киргизских трудящихся масс, вчерашних колониальных рабов, стал ленинизм, а целью—коммунизм.

И этой цели они добьются под руководством ВКП(б) во главе с Ленинским ЦК и вождем партии и рабочего класса тов. Сталиным в железной шеренге ударного отряда мирового пролетариата—социалистического пролетариата СССР.

Указатель литературы

1. Карл Маркс Энгельс—Коммунистическая Манифест Манифест
2. Ленин—том 19 изд. 25 год.
3. Сталин—Вопросы Ленинизма 16 издание.
4. Рыскулов—Восстание туземцев Туркестана в 16 год.
5. Главное Управление землеустройства и земледелия Переселенч. Управл. материалы по землепользованию кочевого населения Феробласти, изд. 15 год.
6. Сельхоз. обзор Туркестанского края за 15 год.
7. Шкапский—Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области, изд. 1926 года.
8. Масальский, В.И.—Турекстанский край, изд. 1913
9. Васильев, В.А. Семиреченская область как колония роль в ней Чуйской долины.
10. Журнал Коммунистическая мысль, САКУ книга 2, 1926 г.
11. Отчет военного губернатора Семиреченской области киргизском восстании в 16 году.
12. Другие газеты и рукописный материал.

Редактор: Тойчинов И.

Техред.: Галиев Ф.

Сдано в набор 17/II. Подписано
к печати 26/III. Кол. печ. листов
 $3\frac{1}{2}$ кол. печ. знаков в листе
49.152. Зак. № 2653. Кирглавлит
178 Тир. 5000-100